

ЗАПИСКИ ІОСИФА ПЕТРОВИЧА ДУБЕЦКАГО*)

Сыновьямъ моимъ Владиміру, Аркадію, Виктору.

Будите убо мудры яко змѣя и цѣли яко голубіе.

Матѣ. Гл. X. ст. 16.

Разставаться съ міромъ, не оставивъ по себѣ памяти, не утѣшительно для человѣка, занимавшаго нѣкоторую степень въ обществѣ и предназначавшаго себя для высшей сферы. Покрайней мѣрѣ, я желаю оставить вамъ, милые дѣти, хотя краткое свѣдѣніе о пути, по коему я прошелъ трудное поприще моей мятежной жизни.

Вы теперь юны и не можете понимать рассказовъ о происшествіяхъ, обуревавшихъ мою жизнь и имѣвшихъ на нее вліяніе. Но придетъ время, когда вы въ зрѣломъ возрастѣ будете, такъ сказать, бесѣдовать со мною, когда меня уже не будетъ.

---

*) Авторъ записокъ до самой смерти своей не зналъ о происхожденіи рода своего, и этотъ вопросъ онъ обошелъ молчаніемъ. Но сынъ его Владиміръ Іосифовичъ Дубецкій, въ связи съ дѣломъ о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Онуфрія Петровича Дубецкаго, брата автора записокъ, человѣка также не чуждаго словесности (О. П. Дубецкій былъ первымъ переводчикомъ Плутарха), былъ вынужденъ обратиться къ источникамъ архивнымъ, и послѣ переноски съ департаментомъ герольдіи, отправился въ Вильну. Изъ виленскихъ архивовъ В. І. Дубецкій добылъ весьма любопытныя бумаги, указующія, что родъ Дубецкихъ идетъ изъ Литвы, гдѣ въ старину онъ носилъ имя Дубецкихъ съ гербомъ Огончиковъ. Въ Польшѣ существуетъ также родъ Дубецкихъ, но не имѣющій общаго съ Дубецкими. Дубецкіе были униатами.—Въ запискахъ же І. П. Дубецкаго читаемъ, что послѣ личнаго своего подвига І. П. былъ награжденъ Государемъ, кромѣ другихъ милостей, еще и потомственнымъ гербомъ. Такимъ образомъ, самъ того не зная, І. П., а за нимъ и потомки его, получили два герба—жалованный Іосифу Петровичу гербъ Дубецкихъ, и древній гербъ Огончиковъ. Случай довольно рѣдкій.

Проживши болѣе полувѣка и я имѣлъ на сценѣ государственной жизни свою роль;—не важную,—это правда; зато былъ современникомъ событій и въ нѣкоторыхъ или участвовалъ самъ, или былъ очевидцемъ.

Но кто вамъ объ этомъ расскажетъ?..

Изъ официальныхъ документовъ вы узнаете, что Отецъ вашъ, проведши большую часть жизни на службѣ, былъ 16 лѣтъ на военномъ поприщѣ и въ эту эпоху участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами за Кавказомъ и въ Турецкую войну; а въ продолженіе гражданской службы, былъ Совѣтникомъ, Прокуроромъ, Предсѣдателемъ и наконецъ, въ Вице-Губернаторскомъ званіи окончилъ длинный періодъ служенія.

Но эти указанія будутъ далеко не удовлетворительны. Вы, вѣроятно, пожелаете знать, какими судьбами брошенъ я былъ изъ Россіи во Францію, изъ Франціи въ Грузію, изъ Грузіи въ Европейскую Турцію, опять въ Грузію, въ Еривань, изъ Еривани въ Вильну, изъ Вильны въ Сибирь, изъ Сибири въ Петербургъ, въ Одессу и наконецъ въ Тамбовъ. Кто вамъ расскажетъ подробности этихъ переходовъ? Кто вамъ расскажетъ про мою частную жизнь,—которая, то весела и беззаботна, то горестна и несчастлива, постоянно сопровождалась строгою нравственностію.

Все это вы узнаете хотя вкратцѣ изъ моихъ повѣствованій. Любовь моя къ вамъ такъ велика, что я и за гробомъ хочу бесѣдовать съ вами.

Въ этой идеѣ я рѣшился написать эти записки, не для печати и не для свѣта, но собственно для васъ, мои милые дѣти, на тотъ предметъ, дабы вы, читая ихъ, могли видѣть по какому длинному и трудному пути шла моя жизнь, вездѣ и всегда неразлучна съ честію и благородствомъ. Послѣдуйте въ семъ отношеніи Божественному глаголу: будите мудры яко змѣя и цѣли яко голубіе.

Заповѣдую вамъ, честность, трезвость, цѣломудріе и вѣрность Отечеству и Государю. Исполните этотъ завѣтъ. Это будетъ наилучшею наградою моихъ объ васъ попеченій и неограниченной моей къ вамъ любви.

Иосифъ Дубецкій.

Отъ 1816 по 1828 годъ.

I.

Отъѣздъ за границу. Пребываніе во Франціи.
Возвращеніе въ Россію. Походъ въ Грузію. Мугам-
ская степь.

Въ 1815 году, послѣ Ватерлооской битвы, положившей предѣлъ воинственному генію героя-вождя, 15 лѣтъ потрясавшаго Европу своимъ грознымъ оружіемъ, первостепенныя державы: Россія, Австрія, Пруссія и Англія предложили оставить на три года во Франціи свои корпуса, для удержанія въ спокойствіи сильнѣйшей партіи Наполеона, коего одно имя могло поднять сотни тысячъ приверженцевъ, сѣтовавшихъ въ тиши.

Четыре союзные корпуса съ бригадою Датчанъ, были подчинены Ватерлооскому побѣдителю Генераль-Фельдмаршалу Герцогу Велингтону, коего Гофъ-Квартира была въ Камбре, а отъ этой крѣпости по всей сѣверной Франціи расположены были помянутыя войска.

Россійскій корпусъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской. Корпусная квартира была въ кр. Мобежъ.

9 Пѣхотная дивизія:

Апшеронскій	}	пѣхотные полки.	Начальникъ дивизіи Генераль-Лейтенантъ Удомъ. Дивизионная квартира въ кр. Авелъ.
Нашембургскій			
Львутскій			
Рижскій			
10 } Егерскіе			
35 }			

12 пѣхотная дивизія:

Смоленскій	}	пѣхотные полки.	Начальникъ дивизіи Г.-Л. Лисаневичъ. Дивизионная квартира въ кр. Мобежъ.
Нарвскій			
Новонгерманландскій			
Алексопольскій			
41 } Егерскіе			
6 }			

Драгунская дивизія:

Смоленскій	}	Конные полки.	Начальникъ дивизіи Г.-Л. Алексѣевъ. Дивизионная квартира въ кр. Ретелъ.
Тверской			
Курляндскій			
Кинбургскій			
Два Донскіе			
Казачіе.			

Артиллерія пѣшая и конная по комплекту.

Командиромъ этого корпуса былъ Генералъ-Лейтенантъ, Генералъ Адъютантъ, Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ *);—вельможа въ полномъ значеніи слова. Онъ былъ ласковъ, милостивъ, щедръ, доступенъ и не гордъ. За то, онъ былъ необыкновенно любимъ войсками.

Войска эти, потерпѣвшія разстройство отъ войны, были укомплектованы людьми изъ другихъ полковъ, а за лошадьми велѣно послать ремонтеровъ въ Россію.

Старшій братъ мой Григорій Петровичъ **), занимавшій значительное мѣсто въ Корпусѣ и пользовавшійся расположеніемъ Графа Михаила Семеновича, по особенной заботливости объ насъ, рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами и выписать во Францію меня и брата Василя Петровича, для окончанія наукъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній. Посему съ однимъ изъ ремонтеровъ, Поручикомъ Смоленскаго полка Яковлевымъ; я и братъ мой отправлены были за границу 8 Сентября 1816 года.

Графъ М. С. Воронцовъ, одобрившій этотъ поступокъ брата Григорія Петровича, оказалъ въ семь дѣлъ особенное покровительство своимъ сильнымъ содѣйствіемъ. Намъ дозволено было отправиться во Францію для окончанія наукъ; а если пожелаемъ опредѣлиться на службу, то разрѣшено было обучаться въ какомъ либо учебномъ заведеніи внѣ полка, до производства въ Офицеры, съ тѣмъ, что Юнкерская служба наша будетъ считаться за дѣйствительную.

Дорога наша, хотя продолжительная, была весьма пріятна и полезна. Мы ѣхали въ легкомъ собственномъ экипажѣ (въ бричкѣ) на тройкѣ прекрасныхъ лошадей, съ отставнымъ Гусаромъ Павломъ (фамиліи не помню), который былъ и кучеръ, и поваръ, и дядька. Этотъ превосходный человекъ смотрѣлъ и ухаживалъ за нами, какъ за родными дѣтьми.

Слѣдовали мы чрезъ:

Брестъ-Литовскъ,
Варшаву,
Калишъ,
Глогау,

*) Гр. М. С. Воронцовъ побѣдилъ Наполеона въ личномъ сраженіи подъ Красномъ. П. В. (младшій).

**) Онъ былъ Надворный Совѣтникъ, Корпусный Оберъ-Провіантмейстеръ, Начальникъ подвижнаго запаснаго парка и членъ Ликвидационной Коммисіи; имѣлъ 2 ст. Анны съ брилліантами, Владиміра 4 ст. и Лежіонъ Донёръ на шеѣ.

Кенисбергъ,
 Веймарнъ,
 Бамбергъ,
 Мангеймъ,
 Мецъ,
 Седанъ и
 Мобежъ.

Въ концѣ Ноября 1816 года мы прибыли въ Г. Бове, къ брату Григорію Петровичу.

Погостивъ нѣсколько дней, я и братъ Василій помѣщены были въ Лицей въ Г. Дуэ;—а чтобы время для службы не было потеряно, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы были опредѣлены Юнкерами въ 41 Егерскій полкъ.

Получивъ въ Россіи коллегіальное образованіе, я могъ почти держать экзаменъ на степень студента, но въ Лицеѣ была для меня остановка за незнаніемъ французскаго языка. Отличныя способности и неуспынное трудолюбіе подвинули меня такъ быстро, что менѣе чѣмъ въ годъ, я говорилъ и писалъ по французски лучше, нежели по русски.

Вскорѣ оказалось, что кругъ Лицейскаго образованія былъ для меня недостаточенъ. Посему братъ Г. П. рѣшился везти меня въ Парижъ, для изученія математическихъ наукъ, если не возможно будетъ помѣстить въ Политехническую школу. Ибо предположеніе было, служить въ артиллеріи или въ генеральномъ штабѣ. Въ семь намѣреній, въ Сентябрѣ 1817 года, я оставилъ Лицей, а въ Октябрѣ прибылъ съ братомъ въ Парижъ. Въ Политехническую школу поступить было невозможно, и до слабости познаній въ Математикѣ и потому, что я былъ не французскій подданный. По этой причинѣ, братъ рѣшился оставить меня въ частномъ домѣ, съ тѣмъ, чтобы я занимался науками приватно. Были отысканы и договорены отличные люди и по нравственности и по познаніямъ. Литтературѣ обучалъ меня Профессоръ Манье; Математикѣ, славный воспитанникъ Политехнической школы, Комтъ, и музыкѣ, первый скрипачъ Королевскаго оркестра, Картье.

Помѣстился я въ части стараго Парижа: Rue de Laharpe, hôtel de Nasjau, № 85.

Квартира моя была въ бельэтажѣ; состояла изъ двухъ просторныхъ и опрятныхъ комнатъ, съ мебелью и постелью, и стоила 20 фран-

ковъ въ мѣсяцъ. Столъ я имѣлъ по билетамъ. Обѣдъ былъ изъ четырехъ блюдъ съ десертомъ, безъ кофе и вина. За 30 билетовъ я платилъ впередъ 45 фр. и каждый разъ, когда обѣдалъ, отдавалъ вмѣсто денегъ билетъ. Этотъ самый столъ, безъ абонировки, стоялъ два франка. За завтракъ, заключавшійся въ большой чашкѣ кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ и масломъ, я платилъ 15 су. Двумъ учителямъ платилъ по 100 и одному 50 фр. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ бюджетъ расходовъ моихъ простирался до 337½ фр. въ мѣсяцъ. А какъ братъ ассигновалъ мнѣ ежемѣсячно по 400 франковъ, то изъ остатка употреблялось на книги, бумагу, театры и прочіе расходы. Хозяинъ дома, отставной раненый Капитанъ,—и его сестра были честные и предобрые люди. Они содержали на откупѣ цѣлую отель, отдавали номера квартиръ и тѣмъ жили. На этой квартирѣ, очень для меня удобной и выгодной, я жилъ во все время пребыванія моего въ Парижѣ.

Для развитія въ обращеніи, я былъ отрекомендованъ и введенъ въ нѣкоторые дома, какъ то: Маркиза Ле-Нормана, Графа Клермона, Королевскаго Прокурора Жакино; но наилучше я былъ принятъ и обласканъ въ знаменитомъ коммерческомъ домѣ Бодена и Жоли.

Мнѣ было тогда 19 лѣтъ. Я былъ здоровъ, силенъ, статенъ и весьма пригожъ. Богъ одарилъ меня сильною волею и добрымъ сердцемъ, а связи съ людьми благородными утвердили въ строгой нравственности.

Братъ Григорій Петровичъ, оставляя меня въ Парижѣ, дѣлалъ много поучительныхъ наставленій относительно опасности Парижскихъ женщинъ, и наконецъ, какъ бы съ неудовольствіемъ, выразилъ сомнѣніе къ моему поведенію въ будущемъ. Конечно, въ этомъ видна была его искренняя обо мнѣ заботливость; за всеѣмъ тѣмъ, это было слишкомъ строго съ его стороны. Мнѣ кажется, ему слѣдовало внушить мнѣ, чтобы я гнушался распутства съ публичными женщинами, но чтобы, при случаѣ, не удаляясь отъ любовныхъ интригъ, былъ бы въ нихъ благоразуменъ, скрытенъ и остороженъ. Между тѣмъ это недовѣрчивое опасеніе задѣло сильно мое пылкое самолюбіе и я съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Братъ, вы меня худо знаете,—вотъ моя рука и слово честнаго человѣка. что, въ нравственномъ отношеніи, я явлюсь къ вамъ такимъ же, какимъ вы меня оставляете, хотя бы это стоило мнѣ жизни“.

Этотъ безразсудный обѣтъ стоилъ мнѣ весьма дорого. Былъ одинъ случай, не мимолетной, но серіозной сердечной связи, которымъ умѣй

я воспользоваться, пошелъ бы далеко и совершенно по другому направлению.

Въ домахъ, въ кои я былъ вхожъ, были прелестныя женщины, да сверхъ того были и другіе увлекательные случаи и я долженъ былъ бороться съ усиліемъ, чтобы противустоять искушеніямъ и побѣдить себя. Богъ услышалъ мою мольбу, утвердилъ меня и никакіе соблазны не могли поколебать моей рѣшимости. Я сдержалъ мое слово въ строгомъ смыслѣ, — и явился къ брату такимъ, какимъ онъ меня оставилъ. Но подобная борьба была для меня столь тягостна, что въ одно время я схватилъ бѣлую горячку, былъ въ помѣшательствѣ около сутокъ и пролежалъ больной нѣсколько дней.

Въ Іюлѣ 1818 года пріѣхалъ ко мнѣ братъ Василій Петровичъ, а 30 Августа мы оставили Парижъ.

Мы ѣхали съ братомъ въ дилижансѣ до Сенкантена, гдѣ ожидала насъ коляска съ лошадьми брата Григорія Петровича. Едва вышли мы изъ дилижанса, въ гостинницѣ *Serf d'og*, какъ кучеръ Феликсъ отдалъ намъ письмо брата, въ коемъ онъ извѣщалъ и поздравлялъ насъ съ производствомъ въ Офицеры (Мы произведены въ Прапорщики 3 Августа 1818 года). Эта пріятнѣйшая вѣсть надѣлала намъ такой бѣды, что мы отъ радости были какъ сумасшедшіе, и не спали цѣлую ночь; а полбутылки шампанскаго (другую половину отдали Феликсу) разстроило еще болѣе наше воображеніе. На другой день мы ѣхали въ пріятнѣйшихъ мечтахъ и все казалось намъ раемъ.

Обмундировавшись, какъ наилучше, мы прибыли въ полкъ, а чрезъ мѣсяць я былъ сдѣланъ Баталіоннымъ Адъютантомъ.

Императоръ Александръ I съ союзными Государями, послѣ Ахенскаго конгресса, произвелъ смотръ и маневры всѣмъ корпусамъ, кромѣ австрійскаго, на Ватининскихъ поляхъ подъ Валансіеномъ, а въ Октябрѣ весь корпусъ тронулся въ походъ въ Россію.

41 Егерскій полкъ, квартировавшій во Франціи въ Городѣ Катоде-Камбрези выступилъ съ мѣста 4 Ноября и шелъ по слѣдующему маршруту:

Като,
Живе-де-Шарлемонъ,
Рокроа,

Гуйль,
 Лиежъ,
 Намюръ,
 Ахенъ,
 Кельнъ, (на Рейнѣ)
 Кассель,
 Галле,
 Лейпцигъ,
 Калишъ,
 Варшава,
 Бѣлостокъ,
 Слонимъ,
 Слуцкъ,
 Бобруйскъ,
 Рогачевъ,
 Гомель,
 Стародубъ,
 Ромны,
 Харьковъ,
 Славяносербскъ,
 Аксай (на Дону),
 Ставрополь,
 Георгіевскъ,
 Екатериноградъ,
 Моздокъ,
 Владикавказъ

переходъ чрезъ Кавказскія горы по Дарьяльскому ущелью.

У Казбека переходили мы чрезъ ужаснѣйшій снѣговой заваль, подымавшійся надъ Терекомъ выше 100 сажень и завалившій Дарьяльское ущелье болѣе нежели на 7 верстъ.

Въ Г. Тифлисъ полкъ пришелъ 12 Октября 1819 года.

Главнокомандующимъ въ Грузіи былъ тогда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, Генераль знаменитый, какихъ въ Россіи было не много, а Грузія, послѣ Князя Циціанова, не имѣла,—и, кажется, не скоро будетъ имѣть подобнаго. Послѣ его, въ продолженіи 23 лѣтъ, было шесть Главнокомандующихъ; но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ для Грузіи и десятой доли того, что сдѣлалъ онъ. Я былъ въ Грузіи во время военной службы 7 лѣтъ и во время Гражданской 4^{1/2} года;—вѣ-

эти двѣ разновременныя и продолжительныя эпохи я узналъ край въ подробности и видѣлъ все недостатки правительственной системы. Могу смѣло сказать, что эта превосходная и богатѣйшая сторона заслуживаетъ лучшей участи и достойна особеннаго вниманія Правительства;—но судя по состоянію Россіи, можно безошибочно предсказать, что много, много протечетъ еще времени, пока она станетъ на ряду съ благоустроенною Европою.

Полковая Штабъ-квартира 41 Егерскаго полка была тогда въ с. Квешахъ, въ Самхетіи, Полковымъ командиромъ былъ Полковникъ Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, а я былъ Полковымъ Адъютантомъ.

1820 года Марта 2 дня одинъ баталіонъ 41 Егерскаго полка выступилъ въ походъ, въ Казакумыкское ханство. При этомъ баталіонѣ находился и я. Мы шли чрезъ Елизаветополь (Ганжа), гдѣ и провели всю святую недѣлю Пасхи.

На Мингачаурской переправѣ чрезъ Куру былъ въ то время богатѣйшій рыбный промыселъ.

Осетры ловились въ такомъ множествѣ, что болѣе 300 человекъ рабочихъ едва успѣвали вынимать икру, а рыбу отдавали задаромъ, или бросали въ воду.

Проходя Елисуйское ханство, мы захватили оконечность Мугамской степи, изобилующей невѣроятнымъ количествомъ змѣй и разнаго рода гадовъ. Въ этомъ змѣиномъ царствѣ есть мѣста, чрезъ кои въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы никакое животное пройти не можетъ. Оконечность, чрезъ которую мы проходили, была до того покрыта черепахами и жабами, что трудно было найти чистое мѣстечко, чтобы послать бурку и во всю ночь почти никто не дожился.

Мугамская степь замѣчательна смѣртію Надиръ-Шаха.

Побужденный невѣдомымъ ему самому геніемъ, Надиръ быстро прославился завоеваніями и мечемъ проложилъ себѣ путь къ Шахскому трону. Покоривъ весь Иранъ и завоевавъ Индію, онъ забросилъ Російскому двору сватовство, на великой Княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, знаменитой того времени красавицѣ.

Слабая и малодушная Анна, работавшая вмѣстѣ съ Россіею подъ гнѣтомъ жаднаго и свирѣпаго Бирона, нашла въ затруд-

нительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что посольство, или сватовство побѣдоноснаго жениха явилось внезапно въ Астрахани съ 10 т. конвоемъ, а самъ онъ съ полмилліономъ войска ожидалъ отвѣта на Мугамской степи. Некогда было долго разсуждать. Оставалось одно средство—прибѣгнуть къ всемірному побѣдителю,—и средство это удалось. 30 т. Голландцевъ положили предѣль замысламъ великаго завоевателя. Надиръ-Шахъ былъ убитъ ночью въ своемъ шатрѣ. Онъ былъ исполнскаго роста и силы нечеловѣческой, но кинжалъ уравнилъ бой.

II.

Бунтъ въ Имеретіи.
Личный подвигъ.

Въ началѣ 1820 года въ Имеретіи сдѣлался бунтъ. Бывшій Правителемъ Имеретіи Г. М. Курнатовскій, по ограниченности ума и по малодушію довель народъ до возстанія. Вотъ про него анекдотъ.

Феофилактъ, Экзархъ Грузіи, мужъ замѣчательный по своимъ великимъ дарованіямъ, возвращался въ Тифлисъ въ началѣ бунта. Курнатовскій провожалъ его съ баталіономъ пѣхоты, съ 200 казаковъ и съ 2 орудіями. Феофилактъ, увидѣвши у квиральскаго поста стоявшую невдалекѣ массу вооруженнаго народа, вышелъ изъ экипажа, сѣлъ на урядницкую лошадь и въ сопровожденіи двухъ казаковъ, офицера и переводчика, не смотря на ужасъ, объявшій Генерала Курнатовскаго, поѣхалъ къ толпѣ. Князья, дворяне и множество простаго народа ринулись къ нему, брали благословеніе съ благоговѣніемъ и даже цѣловали его платье.—Поговоривъ съ ними довольно долго, онъ возвратился благополучно къ отряду и, отведя Курнатовскаго немного въ сторону, сказалъ ему очень громко: „Генераль, этотъ грозный конвой не опасности ради, но ради вашего страха. Трусъ ненавистенъ и людямъ и Богу. Дайте мнѣ вашу шпагу, а возьмите мой клубукъ,—и я вамъ покажу, какъ должно дѣйствовать съ негодяями, возмущающими народъ кроткій и мирный. Съ отрядомъ войскъ, съ которымъ вы меня конвоируете, я покорю всю Имеретію. Прощайте, Генераль, мнѣ не нужно никакого конвоя, я доѣду благополучно одинъ“.—

Генераль Курнатовскій былъ смѣщенъ, а поступившій на его мѣсто Полковникъ Пузыревскій, молодой человѣкъ съ умомъ и энергіею,—былъ застрѣленъ изъ ружья на переговорахъ. Тогда назначенъ былъ Правителемъ Имеретіи Полковникъ Князь П. Д. Горчаковъ, который потребовалъ меня къ себѣ въ Адъютанты. Получивъ о семъ

предписаніе, я отправился изъ похода и прибылъ въ Кутаисъ 5 Мая, гдѣ уже былъ Генераль А. А. Вельяминовъ съ сильнымъ отрядомъ войскъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть вкратцѣ о причинѣ, произведшей бунтъ въ Имеретіи.

Грузія, принявшая христіанство еще въ 3 вѣкѣ, въ началѣ XIX столѣтія, въ отношеніи религіи находилась въ самомъ грубомъ и закоснѣломъ невѣжествѣ.

Всякій помѣщикъ дѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ священниковъ и дьяконовъ по своему произволу, избирая ихъ изъ бѣдныхъ дворянъ и даже изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей, не заботясь нисколько о ихъ нравственности и грамотности; отчего оказывались такіе духовные пастыри, которые не только не умѣли писать, но даже не знали и читать; высшія же духовныя должности, какъ то: Митрополіи, Епископства, отдѣльные монастыри и т. п., имѣвшія значительныя удѣльныя имѣнія, и, слѣдовательно, весьма доходныя, замѣщались дворянами изъ первыхъ фамилій. Въ 1820 году мнѣ случилось видѣть въ монашеской рясѣ прекраснаго мужчину 27 лѣтъ отъ роду, который въ эти лѣта былъ уже Митрополитомъ. Онъ жилъ въ одномъ отдѣльномъ монастырѣ въ Рачинскомъ округѣ, коему принадлежало огромное имѣніе. Этого Митрополита*), изъ могущественнаго дворянскаго рода въ Имеретіи, урожденный Князь Цертель. Съ его старшимъ роднымъ братомъ, Княземъ Григоріемъ Цертелемъ, я у него обѣдалъ и гостилъ. Такимъ образомъ, въ Гелатскомъ Монастырѣ былъ Митрополитъ изъ роду Князей Яшвилей, въ Чкони изъ роду Князей Дадіановъ, въ Кутайсѣ—Софроній, урожденный Князь Цулукидзе, и однимъ словомъ, всѣ высшія духовныя должности въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи заняты были высшимъ дворянствомъ.

Для измѣненія столь вредной монополіи, увѣковѣченной временемъ, нуженъ былъ человѣкъ съ умомъ, сильною волею и съ властію нестѣсненною. При томъ же подобный переломъ въ народѣ полудикомъ и невѣжественномъ не могъ произойти безъ кровавыхъ усилій.

Въ это время явился подобный человѣкъ, какъ бы посланный свыше. То былъ Архіепископъ Феофилактъ, Экзархъ Грузіи и Име-

---

*) Митрополитъ Давидъ.

ретии, въ полной мѣрѣ достойный современникъ Ермолова. Великій умъ, обширное образованіе, и энергическій характеръ явили въ немъ замѣчательнаго государственнаго мужа, коему подобнаго, быть можетъ, и не было въ Россіи на поприщѣ духовной іерархіи. Онъ смѣло и повелительно приступилъ къ преобразованію и встрѣтилъ сильныхъ противниковъ въ Имеретинской іерархіи. Посему рѣшено было отправить въ Россію двухъ главныхъ сановниковъ Митрополитовъ: Гелатскаго и Кутаисскаго. При арестованіи ихъ поступлено было неделикатно; ибо противъ сопротивленія одного изъ нихъ употреблены въ дѣло приклады и штыки, такъ что Архипастырь, избитый и окровавленный, былъ связанъ и посаженъ на лошадь силою.

Для князей, неискренне расположенныхъ къ Русскимъ, причины этой было достаточно для поднятія знамени бунта.

Въ шесть или семь мѣсяцевъ спокойствіе было восстановлено. Человѣкъ 10 было повѣшено, нѣкоторые пали подъ ударами штыковъ, а другіе удалены въ Россію.

Личный подвигъ.

Главнокомандующій А. П. Ермоловъ, отправляя Начальника Штаба своего, Генерала Алексѣя Александровича Вельяминова, для усмиренія бунта въ Имеретіи, поставилъ въ непремѣнную обязанность щадить народъ, употреблять строжайшую справедливость въ разбирательствѣ участниковъ и непремѣнно открыть главныхъ виновниковъ.

Сообразно сему, во всемъ употребляемы были кроткія и ласковыя мѣры, слѣдствіемъ коихъ было то, что Г. Вельяминовъ и К. Горчаковъ постоянно были окружены Имеретинскою, Мингрельскою и Гурійскою аристократіею, но никакими средствами не могли добиться, кто главные зачинщики и руководители бунта;—между тѣмъ, какъ убійства и варварства происходили вокругъ насъ.

Послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій,—въ одномъ небольшомъ сраженіи, бывшемъ въ Рачинскомъ Округѣ при переходѣ войскъ чрезъ горный хребетъ, былъ взятъ въ плѣнъ раненый дворянинъ, по имени Ломъ-каце-Лежава*), Начальникъ бунтовщичьяго отряда. Онъ находился подъ арестомъ при отрядѣ, въ коемъ я былъ Адъютантомъ.

---

*) Лежава былъ типъ Азіатцевъ. Средняго роста, грудистъ, широкоплечъ, строенъ во всемъ корпусѣ. Физиономія умная, большіе черные глаза, носъ и ротъ пропорціональны

Отрядъ расположенъ былъ бивуаками на прелестнѣйшей равнинѣ, между горъ, орошаемой родниками и перерѣзываемой величественнымъ Ріономъ. Когда получено было предписаніе Главкомаандующаго повѣсить Лежаву, какъ главнаго бунтовщика, то при объявленіи ему смертнаго приговора, онъ просилъ меня принять отъ него послѣднюю волю и привести ее въ исполненіе.

По удаленіи постороннихъ зрителей и часовыхъ, когда остался я при немъ съ однимъ переводчикомъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ никогда не былъ главнымъ зачинщикомъ, но былъ одно лишь орудіе людей сильныхъ, главныхъ двигателей возмущенія, что вопреки его желанію онъ былъ избранъ и назначенъ Начальникомъ войска, что онъ не смѣетъ и думать о пощадѣ, но проситъ милосердія у Бога, а у Государя Императора испрашиваетъ милости для бѣдныхъ сиротъ: жены и маленькихъ двухъ его дѣтей, кои ни въ чемъ не виноваты. Я началъ его уговаривать открыть главныхъ зачинщиковъ бунта и объявилъ ему отъ имени Генерала, что чистосердечное во всемъ признаніе и раскаяніе спасетъ его жизнь, въ чемъ завѣрилъ его клятвенно. Долго боролся въ немъ разсудокъ съ желѣзною волею, наконецъ, побѣжденный увѣщаніями и нѣжностію къ женѣ и дѣтямъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ вздохнулъ тяжело и заговорилъ протяжно: „Въ раскаяніи моемъ нѣтъ сомнѣнія, но средство доказать истину моихъ словъ такъ трудно, такъ трудно, что едва ли возможно исполнить его удачно. Впрочемъ да будетъ воля Божія. Я обязанъ вамъ благодарностію за ваши ко мнѣ милости. Я исполню вашу волю. Слушайте со вниманіемъ, ибо мнѣ отъ боли въ ранѣ очень тяжело говорить (Онъ былъ раненъ пулею въ самый пахъ и пуля оставалась въ немъ). На сей равнинѣ*), тамъ на берегу Ріона, подъ этими деревьями, было въ прошломъ году чрезвычайное собраніе князей, дворянъ, духовенства и нѣсколькихъ тысячъ народа. Въ этомъ собраніи положено истребить всѣхъ Русскихъ и избрать своего Царя. Положеніе это написано на бумагѣ, утверждено подписомъ и печатями главныхъ, а клятва запечатлѣна торжественною присягою на крестѣ и евангеліи. Послѣ сего избраны были Начальники войскъ. Я назначенъ командо-

---

и огромные черные усы. 27 лѣтъ отъ роду, онъ былъ извѣстенъ въ горахъ, какъ наѣзникъ, и удалой въ дѣлахъ. Я принималъ въ немъ искреннее участіе и всемѣрно старался облегчить его участь во все время нахождения его при отрядѣ. Онъ чувствовалъ это вполне, ибо сказалъ мнѣ однажды:

—Адъютантъ, я сокрушаюсь, что не могу отблагодарить васъ за ваше милостивое вниманіе. Богъ видитъ это, онъ васъ наградитъ.

*) На этой самой равнинѣ мы стояли въ то время на бивуакахъ.

вать въ Рачѣ. Я отказывался отъ этаго назначенія, ибо увѣренъ былъ и доказывалъ, что это предпріятіе безразсудно и кромѣ погибели многихъ ничего не обѣщало. Но меня и слушать не хотѣли. Къ моему несчастію, я былъ извѣстенъ въ народѣ и пріобрѣлъ нѣкоторую славу храбраго наѣздника, да при томъ я былъ въ связяхъ съ горцами, въ Сванстахъ, Лечгумѣ, Цебельдѣ и Абхазіи. По этой причинѣ мнѣ вручена была помянутая грамота для дѣйствій при наборѣ войскъ. А какъ я неохотно за это дѣло брался, то для обезпеченія вѣрности съ моей стороны, жену мою и двухъ маленькихъ дѣтей задержали въ замкѣ Князя Георгія Цулукидзе, какъ аманатовъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ моей измѣны, эти несчастные должны быть преданы смерти. Такимъ образомъ, я долженъ былъ покориться моему жребію, ибо не могъ воспротивиться. Предвидя послѣдствія этой безумной и несчастной войны, при прощаньи съ женою, это было недавно, когда я отправлялся съ войсками защищать переходъ черезъ горы, я вручилъ ей помянутую грамоту и объяснивъ всю ея важность, я приказалъ беречь ее наравнѣ съ жизнію и отдать оную мнѣ, если возвращусь живъ, или тому, кто предъявитъ ей условленный знакъ. Жена моя, какъ я уже сказалъ, содержится и теперь въ замкѣ Кн. Г. Цулукидзе, въ 8 или 9 верстахъ отсюда, поѣзжайте къ ней;—увидѣвшись безъ свидѣтелей, возьмите лѣвую ея руку и скажите по русски: здравствуй!— Она васъ спроситъ: винъ-арисъ? (кто?)—вы ей отвѣчайте по грузински: Лежава тхвени мегобари (Лежава твой другъ) и отдайте ей эту куди*); тогда она вручитъ вамъ ту грамоту. Таковъ былъ мой съ нею уговоръ,—она исполнитъ его свято. Тогда вы узнаете все. Но прошу васъ, дѣйствуйте осторожно. Силою оружія ничего не сдѣлаете, повѣрьте мнѣ. Напротивъ при малѣйшей неосторожности, Князя Цулукидзе, Абашидзе, Яшвили и Эристовы, находящіеся при отрядѣ, догадаются въ чемъ дѣло,—и тогда жена моя и дѣти падутъ подъ ударами кинжала, все подымется, и,—кто знаетъ, можетъ быть, гибель постигнетъ всѣхъ васъ. Не забудьте, что вблизи въ горахъ много народа вооруженнаго въ сборѣ и ожидаютъ лишь сигнала. Никогда не должно слишкомъ полагаться на силу оружія. Счастіе и въ войнѣ такъ же обманчиво, какъ и во всѣхъ дѣлахъ. Не оставляйте моей жены и дѣтей“.

Доложивши обо всемъ Генералу, мы начали совѣщаться и рѣшили, что безъ этого важнѣйшаго документа арестовать князей не

---

*) Куди, шапка, суконный кружокъ, вершковъ въ 5 или 6 въ диаметрѣ, подшитый матеріею, который составляетъ Имеретинскую шапку, накладывается на голову и прикрѣпляется шелковымъ снуркомъ подъ подбородкомъ.

возможно; ибо Цулукидзевыхъ. Яшвилей. Эристовыхъ и прочихъ очень много, и всѣ они увѣряютъ въ преданности къ Россіи, но кто изъ нихъ другъ, кто недругъ, разгадать трудно; а на одномъ голословномъ показаніи Лежавы основаться нельзя. Намъ извѣстно было, что Азіатцы дорого продаютъ свою свободу и что поэтому, арестъ считается у нихъ наравнѣ со смертію. Слѣдственно, подвергнуть, при арестованіи, убійству невинныя жертвы, значило подвергнуть себя самага величайшей отвѣтственности, особенно предъ такимъ строгимъ и справедливымъ Главнокомандующимъ, каковъ Ермоловъ. По этой причинѣ нужно было добыть помянутую грамоту во чтобы то ни стало. Но какъ ее добыть?... Добраться до жены Лежавы, содержавшейся у главныхъ зачинщиковъ, не давъ имъ никакого подозрѣнія, было дѣло весьма и весьма нелегкое,—несмотря на то, что Князь Георгій Цулукидзе нашей службы Полковникъ, съ брилліантовою Анною на шеѣ и получалъ пенсіона 1.000 руб. сереб., несмотря на то, что онъ, сынъ его Симонъ и братъ Леванъ находились при отрядѣ. Съ одной стороны, мы крайне были озадачены тѣмъ, что большая часть князей, находившихся при отрядѣ, главные зачинщики бунта;—мы этого никакъ не подозрѣвали; но Лежава навелъ насъ на эту мысль, а онъ былъ не такой человѣкъ, которому можно не вѣрить, тѣмъ болѣе, что это было его предсмертное показаніе. Слѣдовательно, предсказаніе его, что малѣйшая неосторожность погубить его жену и дѣтей, повредить отряду и испортить все дѣло, было совершенно справедливо. Съ другой стороны, самое состояніе отряда, при таковыхъ обстоятельствахъ, было не безопасно. Ибо въ отрядѣ было 6 ротъ 7 карабинернаго полка, 2 р. Херсонскаго гренадерскаго, 2 р. Мингрельскаго, 2 р. 44 Егерскаго, два орудія артиллеріи и сотня донскихъ казаковъ, всего подъ ружьемъ около 2 т. чел. Между тѣмъ какъ князей, дворянъ и при нихъ пѣшаго и коннаго вооруженнаго народа, находилось при отрядѣ до 500 чел., а нѣсколько тысячъ залегали въ горахъ въ самомъ близкомъ разстояніи, такъ, что, при внезапномъ ночномъ нападеніи, борьба была бы очень невыгодна, а можетъ быть и гибельна для отряда.

Было о чемъ подумать,—но и задумываться долго не было времени;—ибо столь затруднительное положеніе требовало мѣръ быстрыхъ, рѣшительныхъ и величайшей осторожности. Наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, мое мнѣніе принято и по немъ составленъ былъ планъ дѣйствія, для исполненія его нуженъ былъ офицеръ умный, сметливый (хитрый) и особенно неустрашимый. Жребій палъ на меня,—и дѣло состоялось такъ: мнѣ дали самыхъ отборнѣйшихъ 25 карабинеровъ,

при двухъ унтеръ-офицерахъ и барабанщикѣ, съ прапорщикомъ Княземъ Тумановымъ и 10 человекъ донскихъ казаковъ при урядникѣ. 2 роты карабинеровъ, съ капитаномъ Индутнымъ, придвинуты были къ самому ущелью, по коему мнѣ надлежало идти,—и наконецъ, весь отрядъ изготовился къ бою, облегчившись отъ ранцевъ, мундировъ и прочаго. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы втайнѣ; мнѣ же дано было, для отвлеченія вниманія, предписаніе, отправиться съ 25 ряд. и сжечь одну, покинутую бунтовщиками деревню, лежавшую верстахъ въ 20 отъ дома Кн. Цулукидзе. Въ это время, дома бунтовщиковъ жглись, а скотъ ихъ забирали для войскъ.

Для большей ясности разсказа, здѣсь я долженъ упомянуть о себѣ. Говоря по строгой справедливости, въ оное время, 22 лѣтъ отъ роду, бывъ удалымъ наѣздникомъ и охотникомъ къ лошадямъ, оружію и женщинамъ, я былъ весьма любимъ тамошнею молодежью, ибо сходился съ ними во вкусахъ; а привлекательная наружность, и особенно вѣжливое и ласковое обращеніе съ откровеннымъ радушіемъ, еще болѣе скрѣпляли наши связи. На семъ основаніи, палатка моя почти всегда была набита пріятелями Имеретинами, въ числѣ коихъ и Князь Симонъ Цулукидзе, сынъ князя Георгія, почти каждодневно пилъ у меня чай, пуншъ и проч. и проч.

Въ 8 часовъ утра прелестнаго лѣтняго дня*), я выступилъ изъ лагеря. Молодой князь Симонъ Цулукидзе, съ двумя конными Имеретинами, былъ со мною въ видѣ проводника. Въ двухъ верстахъ отъ отряда расположился капитанъ Индутный, а отъ него на дорогѣ до дома Кн. Цулукидзе, на разстояніи 6 или 7 верстъ, я оставилъ 6 конныхъ казаковъ не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи, скрытыми въ кустахъ; дабы, въ случаѣ тревоги, они ту же минуту дали знать отряду выстрѣлами изъ пистолетовъ. Казаки эти, по условленному знаку, оставались по дорогѣ сами, какъ будто остаются поправтъ что либо у сѣдла, или для нужды.

Часа чрезъ два пути, я вышелъ съ моимъ маленькимъ отрядомъ изъ ущелья на равнину, на коей, влѣво отъ дороги, красовался небольшой домъ Кн. Цулукидзе, а вправо, у самой подошвы крутыхъ горъ, возвышалась древняя каменная башня на обрывистой скалѣ. На полянѣ, отгѣняемой изрѣдка огромными чинарами и орѣхами, было болѣе 300 человекъ вооруженнаго народа; изъ коихъ, одни стояли въ кучкахъ, облокотясь на ружья, другіе сидѣли и курили трубки.

*) Не могу сказать навѣрное числа, но кажется, что это было въ Августѣ.

Я остановился съ людьми у самой дороги, близъ двухъ деревьевъ и двухъ большихъ кустовъ какого-то растенія. Тотчасъ явился ко мнѣ Князь Сико Цулукидзе, братъ Кн. Георгія и, поздоровавшись, просить въ домъ. Я пошелъ, и князь Симонъ отрекомендовалъ меня и Кн. Туманова Княгинѣ, своей матери. Эта женщина по уму и красотѣ извѣстна была во всей Имеретіи. Въ молодости славилась интригами, а подл старость, ей было лѣтъ 40, ворочала, какъ хотѣла и своимъ мужемъ и чужими. Она приняла меня чрезвычайно ласково и признаюсь, поразила меня своею проникательностью. Вопросы ея о Лежавѣ были такъ хитры и такъ быстры, что мнѣ трудно было уничтожить ея подозрѣніе. Хотя положительный отвѣтъ мой, что Лежава приговоренъ къ смерти, а жена его къ ссылкѣ въ Сибирь,—и былъ ей очень по сердцу, за всѣмъ тѣмъ, эта хитрая женщина чувствовала другое.

Есть предчувствія вѣрныя, непостижимыя для насъ самихъ. Это удивительный феноменъ въ природѣ человѣка.

Княгиня находилась въ такомъ безпокойствѣ, что я при всемъ моемъ краснорѣчїи, и Кн. Тумановъ, отличный и умный переводчикъ, не могли вполнѣ ее успокоить. Обстоятельство это было весьма кстати, оно невидимо навело меня на новую дорогу и дало совсѣмъ другой оборотъ дѣлу. Мысль мелькнула,—и я сказалъ:—теперь жена Лежавы можетъ кого нибудь, безъ вины, вовлечь въ бѣду.

—Какъ такъ? спросила Княгиня.

—Какъ жена государственнаго преступника, приговоренная въ Сибирь, она ни кѣмъ не должна быть передерживаема. Ибо, не говоря о томъ, что передержательство ея можетъ навлечь подозрѣніе на того, кто станеть держать ее въ своемъ домѣ или имѣніи; самое передержательство, даже простыхъ преступниковъ, подвергаетъ строгому наказанію по законамъ.

—Ахъ, Боже мой! возразила Княгиня съ испугомъ. да вѣдь она въ нашей деревнѣ. Вотъ еще новыя хлопоты. Что съ ней дѣлать?

—Отдайте мнѣ. Я доставлю ее князю Горчакову, который въ этомъ поступкѣ увидить ваше искреннее расположеніе къ русскому правительству, отвѣчалъ я.

При этихъ словахъ Княгиня вперила свои черныя большіе глаза въ своего сына, а сынъ смотрѣлъ вопросительно на мать, и оба другъ у друга спрашивали взорами: какъ тутъ быть?

Желая воспользоваться минутою ихъ затруднительнаго опасенія и не дать имъ времени опомниться, я взялъ Кн. Симона за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ ему чрезъ Кн. Туманова: по обязанности службы моей, я долженъ сказать князю Горчакову, то, что я слышалъ отъ Княгини вашей матери: что жена Дежавы скрывается въ вашемъ домѣ или вашемъ имѣнїи. Вы знаете Князь, какія это навлечетъ бѣдствія; прошу же васъ, любезнѣйшій Князь, избавьте меня отъ непрїятнаго доноса, а себя и родителей вашихъ отъ значительнѣйшей отвѣтственности. Дайте проводника и ваше приказаніе и я пошлю казака за этою женщиною. Спросите на это позволеніе у Княгини, а если нужно, то уговорите ее, только дѣйствуйте поскорѣе, ибо мнѣ некогда, я долженъ отправиться немедленно.

При этомъ Князь Тумановъ добавилъ:

—Да зачѣмъ тутъ утруждать Княгиню?—Ужели же князь Симонъ въ такой степени ничего не значить въ своемъ домѣ, что даже и тамъ, гдѣ нужно какъ наискорѣе отвратить бѣду, долженъ спрашивать позволеніе у матери?..

Князь Симонъ, какъ пылкій азіатецъ, вспыхнулъ отъ этаго упрека и съ гнѣвомъ отвѣчалъ князю Туманову:

—Да съ чего вы взяли, что бы я не могъ отправить эту дрянъ? Ужели вы полагаете, что Княгиня станетъ ее защищать?

—Что такое, что такое? спросила Княгиня,—и когда изъяснили подробно нашъ разговоръ, она закричала сыну:

—Сей же часъ пошли за нею,—и чтобы ни ея, ни ея дѣтей и на землѣ нашей не было.

Приказаніе было исполнено немедленно.

Чрезъ часъ эта женщина, съ служанкою и двумя дѣтьми, одинъ лѣтъ 4-хъ, а другой грудной, были приведены и сданы солдатамъ. Ее ввели между двухъ огромныхъ кустовъ, у коихъ стояли карабинеры; я съ к. Тумановымъ остался съ нею, а солдатамъ приказалъ стать и заслонить пустое мѣсто.

—Здравствуй,—сказалъ я ей, взявъ ея лѣвую руку.

—Винъ-Арисъ?—отвѣчала она, вздрогнувъ и утирая слезы.

—Лежава, тхвени мегобари, сказалъ я, показывая изъ кармана куди ея мужа. Она ее схватила, прижала къ груди, поцѣловала и зарыдала съ воплемъ. Но въ ту же минуту опомнилась, мигнула служанкѣ, которая тотъ же мигъ присѣла на землю, оторвала зашитый въ рубашкѣ подъ лѣвою мышкою пакетъ, и подала его мнѣ. Мы успокоили бѣдную женщину, сколько позволяло время, и отдали ее въ кружокъ грозныхъ усачей карабинеровъ, приказавъ беречь какъ наилучше.

Тутъ же, въ кустахъ, я и Кн. Тумановъ, удостовѣрились, что въ пакетъ дѣйствительно содержится та самая грамота, о коей говорилъ Лежава.

Князь Симонъ еще дорогой просилъ меня отобѣдать у него въ домѣ и я ему общалъ. Посему мы поспѣшили обѣдать.

Подъ огромнымъ вѣтвистымъ деревомъ, разостланы были ковры,— и вмѣсто стола, поставлена низенькая, длинная и широкая скамья,— по одной сторонѣ коей, раскинуты были шелковыя плоскія подушки, на коихъ мы усѣлись поджавши ноги, я, Кн. Тумановъ, два Кн. Цулукидзевы и человекъ нѣсколько старшихъ изъ толпы вооруженныхъ людей *).

Обѣдъ, довольно продолжительный, состоялъ изъ вареныхъ куръ, разварной форели, фазановъ съ лукомъ,—и шашлыковъ изъ баранины и дикой козы.—Княгиня прислала собственно для меня кувшинчикъ превосходнаго вина: Шаптисъ (Царское вино).

Во время обѣда, Княгиня два раза присылала сказать, что желаетъ со мною говорить. Это мнѣ весьма не нравилось; ибо я, съ моимъ пріобрѣтеніемъ, желалъ летѣть въ лагерь.

Увидѣвшись съ Княгиней, я не могъ разсѣять ея страха и волненія. Не могу изложить теперь всѣхъ подробностей этого свиданія,

*) Умѣніе мое садиться и вставать, съ ловкостію поджавши ноги, чему я научился въ Дуэ, обучаясь фехтованію и гимнастикѣ, склоняло ко мнѣ всегда особенное вниманіе азіатцевъ, кои зная изъ опыта, что Русскіе не умѣютъ сидѣть иначе, какъ на стульяхъ и скамьяхъ, считали меня происхожденія азіатскаго;—а мой пріятель, знаменитый Саралопъ Маршаній, Цебельдинскій старшина, красота черкесскихъ удалцовъ, вѣрилъ въ душѣ, что я изъ крымскихъ Татаръ, уважалъ и любилъ меня, какъ своего единовѣрца.

помню только твердо то, что она, ломая руки съ плачемъ, предлагала быть ея сыномъ, указывая на ребенка, лѣтъ 9 или 10, сидѣвшаго возлѣ ея. Наконецъ, распростившись съ этою страшною женщиною, бывшею причиною несчастія, постигшаго ее и ея мужа и родныхъ, я вышелъ и немедля отправился въ обратный путь, увѣривши Князя Симона и его дядю, что по причинѣ чрезмѣрной головной боли, внезапно приключившейся, не могу идти жечь деревню.

Едва успѣли мы сойти въ ущелье, какъ вдругъ проскакалъ мимо насъ въ домъ Кн. Дулукидзева нарочный изъ лагеря и въ то жъ мгновение все поднялось¹⁾). Крики огласились въ горахъ и сотни вооруженнаго народа показались на высотахъ, влѣво отъ насъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не замѣтили мы ни одного человѣка. Я приказалъ посадить обѣихъ женщинъ съ дѣтьми на лошадей сзади казаковъ и ускорить маршъ. Не прошли и двухъ верстъ какъ посыпались выстрѣлы съ боку, но пули или пролетали надъ нами, или не доходили до насъ по причинѣ деревьевъ, кои насъ съ этой стороны заслоняли. Въ это же время человѣкъ сто пробѣжали мимо насъ по глубинѣ оврага, пролегавшаго направо, въ намѣреніи остановить насъ на весьма дурномъ проходѣ, версты за двѣ впереди,—гдѣ дорога, сажени полторы шириною, лежала между двухъ обрывистыхъ утесовъ и подымалась на чрезвычайную круть. Смекнувши въ чемъ дѣло, я послалъ бѣгомъ 6 карабинеровъ занять это мѣсто, а казакъ поскакалъ къ Индутному, что-бы поспѣшилъ подвинуться ко мнѣ.

Сзади мы не очень боялись нападенія, ибо дорога, глубоко врызанная въ землю была такъ узка, что болѣе трехъ конныхъ рядомъ по ней ѣхать не могли, къ тому же разставленные казаки ко мнѣ присоединились и составили арріергардъ. Карабинеры, послѣ сытнаго обѣда и отличнаго краснаго вина, имѣя онаго запасъ въ манеркахъ, весело затянули любимую пѣсню²⁾):

Гей у броду, гей у броду,
Брала дѣвчина воду;
Тамъ козаченько коня напувае
Зъ дѣвчиною да розмовлае.

1) Послѣ намъ извѣстно было, что этотъ нарочный привезъ приказъ отъ Кн. Левана Ц. убить жену Лежавы и ея служанку, а меня съ моимъ отрядомъ задержать для на два подѣ какимъ либо предлогомъ, не дѣлая впрочемъ ничего враждебнаго.

2) Всѣ почти карабинеры, бывшіе со мною, были малороссіане,—поступившіе изъ карабинерныхъ ротъ 41 Е. полка, они были старые воины, съ медалями 1812 и 1814 годовъ;—тутъ же былъ и лихой унтеръ-офицеръ Гуменюкъ, коего я зналъ давно, еще во Франціи. Всѣ они были пѣсенники.

Колыбѣ минѣ да човничокъ,
 Да човничокъ и веселичко,
     Сѣвъ бы, поплывѣ бы на той бережечокъ,
     Де дивчина мое сордечко.
 На щожѣ тоби да човничокъ,
 Да човничокъ и веселичко,
     Стань попрощайся здалече со мною,
     Козаченьку мое сордечко.
 Зеленая березонька,
 Да надъ воду похилилася,
     Гей молодая да дѣвчинонька,
     Заплакала зажурилося.
 Широкая дорѣженька,
 Очерестомъ перетыкана.
     Гей молодая да дѣвчинонька
     Всѣхъ козакивъ нарекликала!..
 Тилько конькѣ вороненькій,
 Одынь зъ войны повертається!!!
     А дѣвчинонька, да бѣдненькая,
     Слезоньками залывається...

Всгорѣ мы прибыли благополучно въ лагерь, гдѣ князь П. Д. Горчаковъ ожидалъ меня съ величайшимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ:

—Что? Есть грамота?

—Есть.

—Та самая?

—Та.

И онъ бросился обнимать меня. За всѣмъ тѣмъ, сдѣлавъ мнѣ выговоръ за то, что остался обѣдать. Полчаса медленности,—и можетъ быть, все погибло бы *).

Въ числѣ главныхъ, утвердившихъ хартію возстанія, были: 3 Кн. Цулукидзевы, 4 Кн. Эристовы, 4 Кн. Яшвиля и 2 Князя Абашидзевы, находившіеся при отрядѣ. Посему для арестованія ихъ назначень былъ слѣдующій день. Разставлена была двойная цѣпь и приготовлено

---

*) Дорогой во время слѣдованія, отъ жены Лежавы я узналъ, что ее и ея дѣвку били и мучили, допрашивая, не знаетъ ли она, гдѣ грамота. А какъ бумага эта была зашита въ рубахѣ подъ лѣвой рукой, то рубаху эту она надѣла на свою дѣвку и тѣмъ спасла ее.

25 человекъ съ заряженными ружьями въ караулъ. Въ 8 часовъ утра, когда все было готово, потребовали Князей къ правителю Имеретіи князю Горчакову. Когда Князья проходили, то въ цѣпи свита ихъ была задержана. Это ихъ не удивило, ибо дѣлалось иногда и прежде. На срединѣ лагеря они были окружены приготовленнымъ карауломъ,—и когда артиллеріи поручикъ Друковцовъ, на коего возложено было исполненіе, объявилъ имъ, что они именемъ Главнокомандующаго арестуются, за участіе въ бунтѣ, а потому отдали бы свое оружіе и слѣдовали бы подъ стражу, тогда, первый князь Леванъ Цулукидзе, обнаживъ саблю, закричалъ: жизнь и свобода одно и тоже;—ему послѣдовали другіе,—и завязался страшный рукопашный бой. Кн. Леванъ Цулукидзе и еще двое были заколоты штыками, а прочіе болѣе или менѣе ранены.

Князь Марабъ Абашидзе, прорвавшись сквозь цѣпь, бросился съ кинжаломъ на к. Горчакова, но, шагахъ въ трехъ или четырехъ отъ него, былъ пораженъ двумя сабельными ударами; переводчикъ Аразовъ снесъ у него кусокъ кожи съ головы; а я, ударивъ по правому плечу, разрубилъ цѣпочку, на коей висѣла пороховница, и ключевую кость. Ударъ этотъ былъ такъ тяжелъ и недовонокъ, что моя хорасанская сабля, встрѣтивъ сопротивленіе въ серебрянной цѣпочкѣ, согнулась въ сторону. Зато пораженный въ тотъ же мигъ палъ наземь.

Внослѣдствіи всѣ князья и дворяне (до 70-ти), подписавшіе хартію возстанія, были удалены въ Россію, въ числѣ коихъ полковникъ князь Георгій Цулукидзе, а жена его въ монастырь. Молодые Эристовы и Яшвили отданы въ солдаты.

Марабъ Абашидзе и Лежава прощены; послѣднему, сверхъ прощенія, подарена небольшая деревня въ 18 дворовъ.

Такъ кончилось усмиреніе бунта въ Имеретіи. Не описываю военныхъ дѣйствій и правительственныхъ распоряженій, ибо это не входитъ въ планъ моихъ записокъ, кои я пишу собственно для моихъ дѣтей, а не для публики. За всѣмъ тѣмъ, я нашелся въ необходимости изложить подробно этотъ личный подвигъ и точъ въ точъ такъ, какъ онъ былъ; для того, что онъ занесенъ въ мой формулярный списокъ неясно и неудовлетворительно. „Тамъ сказано такъ: а при арестованіи главныхъ бунтосициковъ былъ посланъ съ 25-ю егерями, для взятія важнѣйшихъ документовъ, въ домъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, въ коемъ находилось болѣе 150 человекъ вооруженныхъ. Исполнилъ порученіе это

съ неустрашимостью и доставленіемъ бумагъ сихъ открылъ всю нить заговора. За что и награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст.». Во первыхъ не при арестованіи, а до арестованія; ибо арестованіе бунтовщиковъ было послѣдствіемъ этого дѣйствія;—а во вторыхъ: возлѣ дома Кн. Цулукидзе было тогда гораздо болѣе 300 чел. вооруженныхъ; самъ князь Горчаковъ спрашивалъ объ этомъ солдатъ и казаковъ, кои показали до 400 чел., а Кн. Симонъ Цулукидзе показалъ, что всѣхъ вооруженныхъ людей было тогда у его дома болѣе 500 чел., но что полтораэта человѣкъ были въ башнѣ. Написали полтораэта потому, что боялись, что это огромное число противъ столь малой команды можетъ въ глазахъ высшаго начальства показать фактъ невѣроятнымъ.

За симъ мнѣ остается упомянуть, что на этомъ личномъ подвигѣ основано составленіе моего дворянскаго герба:—„Въ щитѣ, подъ дворянскою короною, полуразвитый свитокъ, прикрытый обнаженнымъ мечемъ, остріемъ вверхъ“.

III.

Экспедиція въ Абхазію въ 1821 году.
Взглядъ на Абхазію въ политическомъ отношеніи.

Во время нахождения моего въ Имеретіи, болѣе пяти лѣтъ, были двѣ экспедиціи въ Абхазію;—первая, 1821 года съ 1 Октября по 21 Декабря, для водворенія владѣтельнаго Князя Дмитрія Шервашидзе, старшаго сына умершаго Князя Сефиръ-бея,—и вторая, 1824 года Юля съ 1-го по 1 Октября, для освобожденія двухъ ротъ Мингрельскаго п. полка, оставленныхъ въ селеніи Соукъ-су при домѣ владѣтельнаго Князя. Но чтобы повѣствованіе объ этихъ дѣлахъ было понятно, и долженъ начать издалека и упомянуть, хотя вкратцѣ, о политическихъ началахъ Абхазіи къ Россіи и о причинѣ смуты, долго терзавшихъ эту страну.

Въ 1824 году было составлено мною отчетливое и весьма занимательное описаніе по этому предмету, основанное на положительныхъ преданіяхъ очевидцевъ, вполне заслуживающихъ вѣры, съ конми я былъ лично знакомъ. Оно заключало исторію абхазскаго владѣтельнаго дома,—и было читано мною Князю Дмитрію Шервашидзе, который не только подтвердилъ правдивость фактовъ, но даже на нѣкоторые далъ свои поясненія. Къ сожалѣнію, всѣ записки мои съ нѣкоторыми документами, книгами и вещами, остававшіяся, на время турецкой

войны, въ казенномъ складѣ въ м. Тульчинѣ, во время польскаго возмущенія въ 1831 году, погибли безъ вѣсти. По этой причинѣ, настоящій рассказъ будетъ содержать одну сущность,—и то безъ хронологіи.

Въ исходѣ послѣдняго столѣтія, владѣтельный абхазскій Князь Ростомъ-бей, во всемъ закавказскомъ краѣ, могъ считаться одинъ самостоятельнымъ владѣтелемъ. Его Абхазія, окруженная съ трехъ сторонъ горами,—со стороны моря, имѣла нѣсколько укрѣпленій; среди коихъ Сухумъ-кале, древняя Генуэзская каменная крѣпость съ четырьмя бастіонами и 20 орудіями, резиденція абхазскихъ владѣтелей, была не только для горцевъ неприступнымъ оплотомъ, но даже не боялась и самой Порты. Славный умомъ и сильный оружіемъ, Ростомъ-бей, по всеѣмъ прежнимъ отношеніямъ, нисколько не считалъ себя въ зависимости отъ Порты, но не могъ не быть подъ ея начальственнымъ покровительствомъ уже потому, что былъ магометанинъ, не говоря о сосѣдствѣ двухъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей, Анапы и Трапезунда.

Съ другой стороны, родъ Шервашидзевыхъ, происходя отъ христіанскихъ началъ и утратившій христіанство свое во времена отдаленныя, не переставалъ поддерживать знаменитую древность своего рода брачными узами съ христіанками, дочерьми первѣйшихъ княжескихъ фамилій: Мингреліи, Самарзахано и другихъ. Въ этомъ порядкѣ, сынъ Ростомъ Келишъ-бей, извѣстный умомъ, характеромъ и оружіемъ, былъ рожденъ отъ христіанки; а когда второй Келишъ-бей сынъ, Сефиръ-бей, коего мать была тоже изъ княжескаго дома Дадіановъ, влюбился въ Княжну Дадіанову, родную сестру владѣтеля Мингреліи, Князя Левана Григорьевича Дадіана¹⁾, то Келишъ-бей не только не противился этому союзу, но напротивъ, всемѣрно желалъ его. Однако, мать юной красавицы, владѣтельница Мингрельская Княгиня Нина, женщина замѣчательнаго ума, сильнаго характера, знаменитая въ свое время красавица, согласилась на этотъ бракъ съ условіемъ, чтобы Сефиръ-бей принялъ христіанство и былъ владѣтелемъ Абхазіи, минуя старшаго своего брата Асланъ-бея. Келишъ-бей принялъ условіе и для приведенія онаго въ исполненіе обратился къ покровительству Россіи²⁾.

Между тѣмъ, какъ происходили о семъ секретныя съ дворомъ нашимъ сношенія, Асланъ-бей, провѣдавъ о таковой конвенціи, началъ дѣйствовать тоже втайнѣ и прибѣгнулъ къ покровительству Порты,

¹⁾ Обоихъ, и Кн. Левана и его сестру, я зналъ лично, съ 1821 по 1826 годъ.

²⁾ Это событіе, судя по сопровождавшимъ его фактамъ, было въ 1801 или 1802 году. Кн. Дмитрій въ 1821 г. имѣлъ 18 лѣтъ.

которая не умедлила снабдить его инвеститурою, или фирманомъ и нѣкоторымъ пособіемъ. Келишъ-бей, подозрѣвавшій Асланъ-бей въ непріязненныхъ замыслахъ, не предполагалъ, впрочемъ, чтобы виды этого непокорнаго сына пошли такъ далеко. Асланъ-бей, имѣвшій свои связи съ знатными черкесскими старшинами, чрезъ родство по матери, имѣлъ въ нихъ сильную поддержку и умѣлъ вести свои дѣйствія втайнѣ. Наконецъ, когда прибыло военное турецкое судно къ Сухуму, онъ не могъ долѣе скрываться и въ первую ночь, — убійствомъ отца своего и истребленіемъ всѣхъ его, бывшихъ въ крѣпости, приверженцевъ, — проложилъ себѣ путь и превозгласилъ себя владѣтелемъ.

Сефиръ-бей спасся тѣмъ, что не былъ въ это время въ Сухумѣ.

Недолго продолжалось владѣніе Асланъ-бея. Вскорѣ нѣсколько русскихъ военныхъ кораблей явилось предъ Сухумомъ и Сефиръ-бей былъ введенъ во владѣніе. Ему вручена была торжественно грамота Государя Императора, принявшаго его съ Абхазіею въ вѣчное покровительство Россіи, въ знакъ коего онъ былъ пожалованъ чиномъ Генераль-Маіора, Анненскою лентою, Императорскимъ знаменемъ, богатѣйшими дарами, великолѣпною церковною утварью и ежегоднымъ пенсіономъ въ 3 т. р. сер.

Асланъ бѣжалъ въ Турцію и поселился въ Трапезундѣ, отколь во все время жизни своей не переставалъ возмущать Абхазію всѣми кознями и происками.

Въ началѣ 1821 года Сефиръ-бей умеръ. Старшій сынъ его Князь Дмитрій, лѣтъ 18 въ то время, взятъ былъ изъ пажескаго корпуса, въ коемъ онъ воспитывался, произведенъ въ полковники и назначенъ владѣтелемъ *).

Для водворенія его, отрядъ войскъ, подъ начальствомъ генерала князя Горчакова, ходилъ въ Абхазію и имѣлъ дѣло съ Абхазцами, партіи Асланъ-бея, довольно трудное. Изъ 600 человекъ, бывшихъ въ строю, убитыхъ и раненыхъ было 222 человека, въ томъ числѣ 3 офиц. убито и 2 ранено.

---

*) Я былъ очень коротко съ нимъ знакомъ. Это былъ рѣдкій юноша. Красавецъ по наружности, кроткаго нрава и добрѣйшей души. Миръ праху его...

IV.

Экспедиція въ Абхазію въ 1824 году.
Рача. Норъ съ удушливымъ газомъ.

Въ началѣ 1824 года, Князь Дмитрій, по наущенію Асланъ-бея, былъ отравленъ абхазцемъ Урусомъ. Злодѣй этотъ былъ схваченъ, сознался со всею откровенностію и былъ за то повѣшенъ на сухумскихъ стѣнахъ.

Послѣ Дмитрія возведенъ былъ на владѣніе второй братъ его Князь Михаилъ (Гамидъ-бей).

По смерти Князя Дмитрія мнѣ поручено было сопровождать въ Тифлисъ Князя Михаила Шервашидзе и представить Главнокомандующему. По этому случаю я былъ при немъ неразлучно болѣе трехъ мѣсяцевъ и имѣлъ случай сблизиться съ нимъ и даже подружиться. Этотъ юноша¹⁾, образецъ черкесской красоты, былъ строенъ, ловокъ, веселаго нрава, благороденъ въ поступкахъ и добрѣйшей души; и его смуглое прекрасное лицо выражало умъ и пылкость характера. Онъ ѣздилъ и стрѣлялъ, какъ удалой горецъ и былъ чрезвычайно любимъ абхазцами.

А. П. Ермоловъ, при первомъ представленіи, говорилъ съ нимъ о многомъ и замѣтивъ въ немъ быстрый умъ, правильное сужденіе и отличныя способности, въ тотъ же день сдѣлалъ представленіе Государю объ утвержденіи его владѣтелемъ съ чиномъ маіора. Чрезъ полтора мѣсяца получено было разрѣшеніе и утвержденіе, и мы отправились обратно.

Въ Соукъ-су собраны были старшины и народъ (явилось весьма немного); Князь Михаилъ объявленъ былъ владѣтельнымъ Княземъ²⁾, утвержденнымъ Государемъ Императоромъ, и при парадѣ войскъ предъ Императорскимъ знаменемъ была выполнена присяга на вѣрность.

¹⁾ Ему было тогда 16 или 17 лѣтъ отъ роду; но онъ былъ высокъ ростомъ.

²⁾ Утверждали, что Кн. Михаилъ былъ похожъ во всемъ на своего дѣда Келингъ-бея. При представленіи, А. П. Ермоловъ говорилъ ему по русски безъ переводчика, а Кн. Михаилъ отвѣчалъ по абхазски; ибо понималъ по русски все, но изъяснялся неправильно. А. П. Ермоловъ обласкалъ его чрезвычайно, но обдарилъ скупо.

Князь Горчаковъ, принимая въ соображеніе юность новаго владѣтеля и сомнительное поведеніе нѣкоторыхъ старшинъ, счелъ нужнымъ оставить при его домѣ на нѣкоторое время 2 роты Мингрельскаго полка съ 2 легкими орудіями.

Вскорѣ нѣкоторые старшины, и тутъ по кознямъ Асланъ-бей, начали домогаться какихъ то правъ, вовсе не сообразныхъ съ пользами правительства и народа, и, получивъ рѣшительный отказъ, подняли возстаніе такъ внезапно, что Князь Михаилъ съ матерью, братьями и сестрами едва успѣлъ запереться съ 2 ротами въ своемъ домѣ, коего дворъ былъ впрочемъ обнесенъ палисадомъ, или частоколомъ изъ толстыхъ бревень.

Окруженные нѣсколькими тысячами бунтовщиковъ, они были доведены до такой крайности, что на одного человѣка въ сутки давали по полгорсти кукурузы, а воду доставали съ бою изъ р. Соукъ-су, чрезъ подземный подкопъ,—и въ этомъ затрудненномъ положеніи они находились около двухъ мѣсяцевъ. Но никакія лишенія не могли поколебать храбрости Русскихъ и мужества юнаго Князя.

Главнокомандующій, принявъ вѣсть объ этомъ весьма гнѣвно и грозно въ отношеніи къ Князю Горчакову, оставившему самопроизвольно горсть войскъ въ мѣстѣ, столь отдаленномъ отъ нашихъ въ то время операціонныхъ сношеній, предписалъ ему спасти роты непременно, подъ личною его, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностію.

Отрядъ, сформированный наскоро для этой экспедиціи, состоялъ изъ 6 ротъ пѣхоты (около 1000 чел.), 2 легкихъ орудій и 600 всадниковъ Мингрельской милиціи;—а изъ черноморскаго флота, по требованію генерала Ермолова, прибыли къ Сухуму фрегатъ Евстафій и 3 брига: Меркурій, Орфей и Ганимедъ.

До Сухума отрядъ дошелъ благополучно, впрочемъ, не безъ потей и въ нѣкоторыхъ стычкахъ; но отъ Сухума идти далѣе, сухимъ путемъ на разстояніи 50 верстъ, столь малому отряду не было никакой возможности. Ибо въ 20 верстахъ отъ Сухума были подѣланы Абхазцами укрѣпленія и завалы, на трудной мѣстности, столь сильные, что и 5 т. отряду съ сильною артиллеріею должно было встрѣтить величайшее затрудненіе. При томъ же и Абхазцевъ съ другими племенами было тогда въ сборѣ болѣе 10 т. Посему рѣшено было, посадить на суда 600 человѣкъ пѣхоты и сдѣлать десантъ у урочища Пиццунды, отъ коего въ 6 верстахъ лежало селеніе Соукъ-су.

21 Іюля 1824 года была сдѣлана первая высадка, съ незначительною потерею, а 24 числа, когда и остальные войска были перевезены изъ Сухума, предпринято было съ 400 чел. движеніе къ Соукъ-су. Въ этомъ мѣстѣ берегъ, на 100 и на 150 саж. пологій отъ моря, вдругъ поднимается круто и на разстояніи 2 верстѣ въ ширину, покрытъ огромнѣйшими деревьями, рѣдко расположенными. На этомъ берегу выбрана была выгодная позиція, укрѣплена наскоро съ трехъ сторонъ и снабжена 4-мя орудіями съ кораблей. При первой высадкѣ войскъ непріятель понесъ великую потерю, отъ морской артиллеріи, коей мало знакомое для горцевъ дѣйствіе, порвало въ ихъ толпахъ нахлынувшихъ на берегъ, цѣлые ряды. Это дало имъ такую острастку, что они, отступивъ, ожидали насъ за опушкою лѣса; но и тутъ, увидѣвъ, что мы, нестрогаясь съ мѣста, укрѣпляемся на берегу, а корабли перевозятъ войска изъ Сухума, и прождавъ три дня понапрасну, соскучились неизвѣстнымъ ожиданіемъ и отправились въ сосѣднія деревни, разставивъ караулъ на деревьяхъ въ лѣсу. Между тѣмъ, мы, воспользовавшись ихъ оплошностію, 24 Іюля, во время предразсвѣтной темноты, тронулись въ глубочайшей тишинѣ, такъ что часовые ихъ прозѣвали и Абхазцы выступили густыми колонами тогда, когда мы уже были подъ Соукъ-су, изъ коего осажденные двѣ роты вышли къ намъ навстрѣчу. Тогда непріятель, убоясь быть между двухъ огней, не осмѣлился насъ атаковать.

Во время слѣдованія отряда, я былъ по генералѣ главнымъ распорядителемъ, ибо подполк. Лисаневичъ былъ раненъ при десантѣ, а майоръ Грабовскій оставался съ 2 ротами въ береговомъ укрѣпленіи; изъ ротныхъ же командировъ опытнаго и распорядительнаго офицера не было.

У дома владѣтеля осажденные встрѣтили насъ съ великою радостью. Вскорѣ запылали костры, явились быки, бараны, птица;—а князь Михайлъ, не желая оставлять что либо на пользу злодѣевъ бунтовщиковъ, разсудилъ за благо предать на распітіе весь запасъ своего погреба;—разумѣется, что наилучшее вино пало на офицерство,—и обѣдъ былъ на славу. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, въ 4 часа пополудни мы тронулись обратно. Съ ротою карабинеръ (44 Е. п.) и однимъ орудіемъ, везеннымъ на людяхъ, мнѣ поручено было прикрывать отступленіе и охранять отрядъ отъ внезапнаго нападенія.

Густыя колоны горцевъ конвоировали въ разстояніи ружейнаго выстрѣла и, кажется, душевно желали поздороваться съ нами, но....

недоставало духу. Однако же было не безъ грѣха. Когда отрядъ входилъ уже въ береговое укрѣпленіе, мой арріергардъ, тоже подходя къ оному, былъ растянуть по лѣсу, а я, видя окончаніе похода, закуривалъ трубку фитилемъ у орудія и разговаривалъ съ Шт. к. Горяиновымъ, потерявшимъ свой кисеть и просившимъ у меня табаку. Въ это время вдругъ внезапный глухой шумъ съ дикими криками поразилъ нашъ слухъ,—и въ тоже мгновеніе мы увидѣли у себя подъ носомъ стаю конныхъ горцевъ, скачущихъ, рубящихъ и стрѣляющихъ направо и налѣво. Изъ 6 солдатъ, везшихъ орудіе, двое уже лежали съ канониромъ и кричали, а прочіе, ошеломленные столь ужаснымъ налетомъ, бросились, кто куда попалъ. Я и Горяиновъ захватили съ собою 17 человекъ изъ бѣгущихъ и съ ними засѣли у огромнаго дерева, держа ружья на изготовкѣ. Орудіе стояло саженьхъ въ двухъ отъ насъ, между нами и черкесами, но трудно было его достать, высунувшись изъ за дерева и не подвергнувшись пораженію; ибо у противоположнаго дерева, за большимъ кустомъ, саженьхъ въ 10 отъ насъ, стояла кучка удалцовъ съ ружьями на прицѣлѣ. Но мы нашлись;—ефесомъ сабли, легши на землю, я зацѣпилъ и притянулъ, лежавшую недалеко петлю веревки, которою везли орудіе,—потанчили разомъ и орудіе очутилось возлѣ насъ. А какъ оно было заряжено картечью, чего ребята наѣздники не подозрѣвали, то наведя по возможности на кустъ, за коимъ они были, хватили,—и страшный крикъ возвѣстилъ, что выстрѣлъ былъ не понапрасну. И дѣйствительно,—когда разошелся пороховой дымъ, мы увидѣли на землѣ четырехъ горцевъ великолѣпно растянувшихся, да тутъ же лежали еще трое, положенные нами прежде изъ ружей, когда они хотѣли было полакомиться орудіемъ. Въ это время приближало къ намъ нѣсколько человекъ охотниковъ солдатъ съ ружьями въ однихъ рубашкахъ. Самъ Кн. Горчаковъ, схвативъ 1-ю гренадерскую роту, шелъ къ намъ на помощь; но, благодаря Бога, все уже было кончено. Горцы, подхвативши тѣла убитыхъ, ускакали; а мы рады, что дешево отдѣлались, впрочемъ съ потерей двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ, вступили важно въ лагерь. Здѣсь ожидалъ меня самоваръ;—и тутъ, на берегу морскомъ, подъ прекраснымъ небомъ, проведена была прелестнѣйшая Іюльская ночь, въ кругу веселыхъ товарищей, за продолжительнымъ ужиномъ съ отличнѣйшимъ княжескимъ виномъ, которое пилось, пилось и пилось съ душевнымъ наслажденіемъ....

Чрезъ два дня мы уже были въ Сухумѣ, вокругъ коего весь отрядъ расположился на бивуакахъ. Абхазцы въ досадѣ дѣлали каждодневныя нападенія, но всегда неудачно. Наконецъ, рассчитывая на

прекрасныхъ лошадей Мингрельской милиціи,—они подѣлали ужасные завалы по дорогѣ, коею должно было проходить,—но увы!—и тутъ были надуты. Мингрельскій владѣтельный Князь Леванъ Григорьевичъ Дадіанъ, начальствовавшій своею Милиціею, приказалъ перестрѣлять всѣхъ лошадей и предать на съѣденіе морскимъ тварямъ. Что и было исполнено, а люди были перевезены на судахъ въ Редуть-кале. Такъ окончилась вторая экспедиція въ Абхазію.

Того же года въ Октябрѣ мѣсяцѣ ходили съ отрядомъ въ Рачу и доходили до Дигорскаго ущелья, чрезъ которое было намѣреніе провести большую дорогу въ Россію. Отрядъ долго стоялъ у мѣстечка Малые-они. Мѣстечко это или городокъ, лежитъ у самой подошвы горы Фазисъ-мда, изъ коей вытекаетъ величественный Ріонъ, именованнійся у грековъ рѣкою Фазисомъ, отъ чего получили и фазаны названіе свое.

Весь Рачинскій округъ изобилуетъ картинами удивительной мѣстности и есть такія мѣста, что никакое перо, никакая кисть изобразить не можетъ. Здѣсь невольно съ изумленіемъ благоговѣешь предъ дикою, по величественною природою. Во многихъ мѣстахъ памятники глубочайшей древности поражаютъ васъ. Но взглядъ мой на Кавказъ будетъ изложенъ послѣ.

Близъ Малыхъ-оной, у подошвы горы, есть небольшая пещера, или лучше сказать нора, вершковъ 12 въ діаметрѣ, изобилующая удушливымъ газомъ въ такой степени сильнымъ, что мелкое животное, опущенное въ нее, въ нѣсколько секундъ умираетъ. Собака и небольшая свинья выдерживаетъ не болѣе одной минуты. Опытъ этотъ я дѣлалъ самъ. Народное повѣрье гласитъ, что этотъ газъ дѣйствуетъ на бесплодность женщинъ,—и по этой причинѣ каждое лѣто пріѣзжаютъ къ этой норѣ много молодыхъ поклонницъ, даже съ отдаленныхъ мѣстъ.

Не знаю, содержитъ ли этотъ газъ такое чуднос врачеваніе,—но если принять въ соображеніе, что молодыя жены ревнивыхъ мужей содержатся дома, по азіатскому обычаю, весьма подъ строгимъ надзоромъ, то вырвавшись на просторъ, онѣ могутъ легко наткнуться на плодотворную силу, которую и азіатки, такъ же, какъ и наши европеянки, мастерицы находятъ чутьемъ и весьма скоро. Слѣдственно, эта удивительная нора, есть просто камень преткновенія, прославляемый женами и прокливаемый мужьями.

V.

Пребываніе на кавказской линіи. Смерть генераловъ: Лисаневича и Грекова. Самоотверженіе и воинственность горцевъ. Пораженіе чеченцевъ. Героическій періодъ Россіи. Безсліе Персіанъ. Открытіе Персидской войны. Претендентъ персидскаго престола. Переездъ въ Тульчинъ. Болѣзнь.

Въ концѣ Сентября 1825 года, я прибылъ на кавказскую линію, начальникомъ коей назначенъ былъ тогда Кн. Горчаковъ, на мѣсто генераль-лейтенанта Дмитрія Тихоновича Лисаневича, убитаго кинжаломъ въ кр. Грозной¹⁾.

Вотъ сущность этого событія:

Главнокомандующій Ермоловъ, изыскивая всѣ средства къ сближенію съ Русскими племенъ, заселяющихъ нѣдра Кавказа, предположилъ Чеченцевъ мирныхъ ауловъ употреблять на казенныя работы съ производствомъ имъ высокой платы, что и поручено генералу Грекову, жившему въ Грозной и начальствовавшему всею окрестною странюю. Въ продолженіе долгаго времени Чеченцы употреблялись на работы, а плата имъ или производилась очень малая, или вовсе не производилась;—разумѣется, что она получалась исправно изъ казны и исправно выводилась по книгамъ въ расходъ. Неудовольствіе и ропоть въ мирной Чечнѣ были послѣдствіемъ столь безсовѣтнаго дѣйствія²⁾.

¹⁾ Въ 1825 году я былъ на водахъ въ Пятигорскѣ и представлялся тамъ Д. Т. Лисаневичу, какъ старому моему дивизионному начальнику, еще во Франціи. Онъ меня очень ласково принялъ и долго со мною разговаривая, прибавилъ, что сейчасъ отъѣзжаетъ въ Грозную. Это было 15 Юля, а 22 Юля уже онъ былъ мертвъ.

²⁾ Когда, по смерти Грекова, открытъ былъ его сундукъ, то въ немъ найдены нарчи, сукна, брилліантовые перстни, золотыя часы, табакерки и прочія дорогія вещи, кои дарилъ чеченскимъ старшинамъ за ихъ заслуги, были исправно выведены въ расходъ, но къ нимъ не дошли... А. П. Ермоловъ, бывшій при вскрытіи этого почтеннаго сундука, держалъ въ это время въ рукѣ золотую, осыпанную брилліантами, табакерку съ вензелемъ Государя, пожалованную г. Грекову. Увидѣвши это тайное хранилище благородства Грекова, онъ пришелъ въ такое негодованіе, что бросилъ табакерку объ полъ съ такою силою, что металлъ свернулся въ комъ, а брилліанты разлетѣлись во всѣ направленія. Боже мой, Боже! сказалъ онъ, покачавъ головою: и этотъ человѣкъ, за мою мнлость, за мое довѣріе заплатилъ мнѣ такъ безсовѣтно, такъ подло... Грековъ былъ адъютантомъ у князя Дмитрія Захаревича Орбелянова и имѣлъ сомнительную репутацію относительно безкорыстія. Его слѣдовало удалить изъ службы, или предать суду; но А. П. Ермоловъ, видя въ немъ замѣчательныя способности, повѣрилъ его завѣреніямъ и простилъ его. Этого мало, въ шесть лѣтъ онъ его вывелъ изъ армейскихъ подполк. въ генералы, не считая орденовъ и подарковъ. Правда, что Грековъ, въ военномъ отношеніи, былъ такой офицеръ, какихъ мало было на Кавказѣ.

Въ это время явился въ Чечнѣ знаменитый Бей-булатъ. Непреклонные Чеченцы, вѣчно враждующіе противъ Русскихъ, признали его своимъ верховнымъ вождемъ, — и всеобщее возстаніе, какъ пламя, обхватило всю Чечню. Молодежь мирныхъ ауловъ стала подъ знамена Бей-булата. Амиръ-Гаджи-юртское укрѣпленіе съ ротою егерей, съ вѣсколькими орудіями и со всѣми офицерами, превращено было въ прахъ и ни одна душа не спаслась.

Когда Чеченцы ворвались въ укрѣпленіе, то капитанъ роты, не видя спасенія, зажегъ пороховой погребъ, и ужасный пороховой взрывъ поднялъ на воздухъ и разметалъ по Сунжѣ многіе десятки и Чеченцевъ и Русскихъ, а остальныхъ погребъ подъ развалинами.

Генераль Лисаневичъ, какъ главный начальникъ края, поскакалъ въ Грозную, собралъ всѣхъ чеченскихъ старшинъ мирныхъ ауловъ, числомъ болѣе 300, — и вышелъ къ нимъ, началъ кричать и бранить ихъ съ чрезвычайнымъ жаромъ¹⁾ за то, что молодежь чеченская приняла участіе въ возмущеніи.

Толпа этихъ Чеченцевъ, при входѣ въ крѣпость, была обезоружена; но одинъ изъ нихъ, какой-то Гаджи, удержалъ при себѣ подъ широкой рясой свой кинжалъ. Этотъ то Гаджи, когда его Лисаневичъ подзывалъ изъ толпы къ себѣ, бросился мгновенно и поразилъ кинжаломъ генерала Лисаневича въ животъ и въ бокъ, а генерала Грекова въ спину подъ лопатку навывлетъ. Грековъ испустилъ духъ на мѣстѣ, а Лисаневичъ мучился четверо сутокъ, — и умеръ сидя 22 Іюля.

Это было 18 Іюля 1825 года.

Ужасная тревога поднялась въ крѣпости. Весь гарнизонъ хватился за оружіе и болѣе 300 Чеченцевъ были подняты на штыки. Ожесточеніе солдатъ было такъ велико, что даже слуги офицерскіе и всѣ маркитанты, кои были въ черкесскомъ платьѣ, были безъ пощады убиты.

Въ этомъ Гаджи видно какое то фанатическое, или лучше сказать безразсудное самоотверженіе. Ибо рискуя собственною жизнію, онъ погубилъ болѣе 300 своихъ товарищей. Но гораздо удивительнѣе при-

---

¹⁾ Онъ былъ необыкновенно вспыльчивъ, такъ что въ прежнюю его службу въ Грузіи татары прозвали его: Дели-ага, бѣшеный майоръ.

мѣръ самоотверженія явили два Лезгина,—кои, желая отмстить смерть своего друга, убитаго Русскими, отправились въ Нижегородскій драгунскій полкъ и рано утромъ, въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда всѣ были у заутрени, проникли невидимые нѣкъмъ въ казарму и въ ней спрятались,—а когда люди пришли изъ церкви, то бросившись съ кинжалами, перерѣзали до шестнадцати человѣкъ, пока не были убиты сами.

У кавказскихъ горцевъ, какъ и у всѣхъ полудикихъ народовъ, самоохраненіе есть душа военной тактики. На семъ основаніи всѣ кавказскія племена, не исключая даже лезгинъ и чеченцевъ, грозны въ нападеніяхъ внезапныхъ, страшны въ лѣсахъ, въ ущельяхъ, въ скалахъ, въ завалахъ и однимъ словомъ вездѣ тамъ, гдѣ можно убивать другихъ и не быть убиту самому. Но чтобы горцы, въ чистомъ полѣ, вступили съ хладнокровіемъ въ открытый бой, особенно съ неравными силами, это бываетъ весьма и весьма рѣдко,—и то въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. За всѣмъ тѣмъ этотъ народъ удивительной храбрости, а самоотверженіе ихъ бываетъ невѣроятное. За то распорядительность въ дѣлахъ большею частію бываетъ очень дурная, а духъ свободы, разрушая дисциплину и единство въ дѣйствіяхъ, приводитъ ихъ военныя предпріятія къ результатамъ безуспѣшнымъ и нерѣдко разрушительнымъ для ихъ самихъ. Но самый ужасный бичъ ихъ благосостоянія, это ихъ собственные раздоры. Большая Кабарда, выставявшая болѣе 30 т. панцырниковъ и наѣздниковъ первѣйшей кавалеріи въ мірѣ, растерзана собственными раздорами, а чума довершила истребленіе этой прелестной страны,—коей нынѣ безмолвныя, цвѣтуція равнины представляютъ одни развалины прежде грозныхъ и многочеловѣчныхъ ауловъ.

На кавказской линіи я находился съ Ноября 1825 по Октябрь 1826 года.

19 Ноября 1825 года скончался въ Таганрогѣ Императоръ Александръ I. По обнародованіи этой печальной вѣсти была выполнена присяга на вѣрность старшему по первородству брату покойнаго Государя, не оставившаго дѣтей, Константину Павловичу. Вскорѣ за тѣмъ объявлены были акты отреченія отъ престола, сдѣланнаго Великимъ княземъ Константиномъ. Посему принесена была присяга нынѣ царствующему Императору Николаю.

14 Декабря того же года былъ день ужасный для Россіи,—онъ запечатлѣвъ кровью русскою, Русскими же пролитою.

При полученіи объ упомянутой перемѣнѣ извѣстія въ Петербургѣ, заговоръ, давно таившійся объ измѣненіи правленія, въ этотъ день разразился бунтомъ. Но милосердый Богъ еще не оставилъ Россію своимъ милостивымъ покровительствомъ. Сила воли и осторожное благо-разуміе новаго Государя Императора спасли Россію отъ величайшихъ бѣдъ, а можетъ быть и отъ гибели.

Въ бытность мою на кавказской линіи, заведены пикеты съ маяками и предпринято переселеніе станицъ на новую линію по Кубани.

А. П. Ермоловъ находился тогда съ отрядомъ войскъ въ Чечнѣ противъ Бей-булата, имѣвшаго въ сборѣ до 14 т. Чеченцевъ. Искусный старый вождь долго лавировалъ и изыскивалъ средства къ нанесенію чувствительнаго удара непріятелю. Наконецъ онъ достигъ цѣли. Нетерпѣливые храбрецы приняли бой,—и бой былъ ужасный. Спѣшившись и взявшись за кушаки, съ кинжалами въ рукахъ, они шли толпами на колонны и орудія, извергавшія смерть. Тысячи тѣлъ покрыли поле битвы, а избѣгшіе отъ картечей, пуль и штыковъ погибли въ водахъ Сунжи. За всѣмъ тѣмъ это страшное пораженіе успокоило Чечню на время,—навсегда же успокоится она тогда, когда не будетъ на свѣтѣ ни одного Чеченца. Эта истина доказана съ тѣхъ поръ *Кази-Муллою и Шамилемъ*.

1826 годъ ознаменованъ открытіемъ славной войны съ Персіею.

Съ началомъ XIX столѣтія начался и великій героическій періодъ, въ который руссійское оружіе покрыло себя безсмертною славою.

14 лѣтъ сряду, почти въ одно и тоже время, Россія вела борьбу съ Персіею съ 1802 по—13, съ Турціею съ 1806 по—12, съ Наполеономъ съ 1805 по—8, съ Швеціею съ 1807 по—10, наконецъ Россія выдержала ужасную войну 1812,—13 и—14-го годовъ, вышла изъ этаго труднаго поприща со славою и стала превыше всѣхъ государствъ Европы.

Но вотъ, не стало Наполеона и въ Европѣ, послѣ бранной эпохи водворился миръ; не стало и Александра, и въ Россіи, послѣ одиннадцатилѣтняго спокойствія, первый годъ царствованія Николая огласился воинственными кликами на Югѣ.

Персія, съ той отдаленной роковой эпохи, какъ Александръ Великій наложилъ на нее свою побѣдоносную руку (въ 333 году до Р. Х.)

въ продолженіе болѣе 2000 лѣтъ не могла поправиться. Въ этотъ длинный интервалъ, на ея престолѣ исчезло нѣсколько царственныхъ династій и ни одна не возродила ни Кира, ни Камбиза, ни Дарія Гистаспа. Были воинственные таланты и между ими преимущественно одинъ, какъ метеоръ, мелькнулъ на ея политической сферѣ. Этотъ случайный герой, Надиръ-шахъ, проложивъ себѣ путь мечемъ отъ ничтожества до трона, прошелъ какъ ураганъ по Ирану и Индіи, обозначилъ свой путь кровію и развалинами и палъ самъ подъ кинжалами убійць, не оставивъ по себѣ ничего существеннаго для Персіи.

Уже въ недавнее время, генералъ Котляревскій доказалъ Персіанамъ, подъ Асландузюмъ и Ленкоранью, изумительное превосходство російскаго оружія, уничтоживъ 28 т. армію Шахъ-задѣ съ 4 т. отрядомъ¹⁾. Но этотъ поучительный урокъ еще не успѣлъ изгладиться изъ памяти очевидцевъ, — еще не прошло и 14 лѣтъ, какъ тотъ же самый, безразсудный на полѣ брани Шахъ-задѣ²⁾, ворвался съ 40 т. армією въ границы Россіи и война загорѣлась.

Причина войны была не важная. Дѣло шло за незначительный кусокъ земли и именно, за долину Шахъ-Майданъ. Но, кажется, Наслѣдникъ Персидскаго Престола, человѣкъ замѣчательно хитрый, имѣлъ въ этой войнѣ совсѣмъ другіе виды.

Въ 1834 году, въ бытность мою въ Нахичевани для составленія облагательныхъ табелей о податяхъ, Эксапъ-Ханъ Нахичеванскій рассказывалъ мнѣ, что Шахъ-Задѣ побужденъ былъ къ войнѣ не за долину Шахъ-Майданъ, но совершенно по другому обстоятельству. Не знаю, было ли это обстоятельство дѣйствительною причиною войны, но поелику самый фактъ есть истинный, то считаю неизлишнимъ рассказать его³⁾.

¹⁾ И Александръ великій съ 30 т. пѣхоты и 5 т. кавалеріи разбилъ несмѣнный Даріевы полчища при Граникѣ въ 334 году до Р. Х., а въ слѣдующемъ году, съ тѣмъ же самымъ количествомъ, разгромилъ въ прахъ миллионную Персидскую армію при Иссеѣ, гдѣ и самъ Дарій едва избѣжалъ плѣна.

²⁾ Шахъ-задѣ, — наслѣдникъ престола.

³⁾ Этотъ фактъ, кажется, былъ гораздо прежде войны, слѣдовательно причиною ея въ томъ смыслѣ быть не могъ. Гораздо ближе къ истинѣ то, что Аббасъ-Мирза, несмотря на свой умъ и глубокую хитрость, былъ увлеченъ интригами англичанъ, къ тому же имѣлъ притязаніе на военный талантъ. Въ 1824 году пріѣзжалъ въ Грузію изъ Индіи Англійской компанейской службы инженеръ-маіоръ Монтисъ; не игралъ ни въ какую игру, въ два или три мѣсяца прожилъ въ Тифлисѣ болѣе 3 т. червонцевъ. И я бывалъ у него на обѣдахъ и на вечерахъ и знаю его лично. Послѣ онъ былъ высланъ изъ Тифлиса и изъ Грузіи, какъ подозрительный агентъ.

Фетъ-Али-Шахъ имѣлъ до 600 дѣтей и въ томъ числѣ болѣе ста сыновей. Изъ числа ихъ, Аббасъ-Мирза, самый старшій, былъ его любимый сынъ преимущественно предъ прочими и имѣлъ надъ Шахомъ, отцемъ своимъ, большую власть.

Но этотъ старшій сынъ былъ рожденъ отъ простой любовницы, между тѣмъ какъ былъ другой, гораздо младшій лѣтами, рожденный отъ какой-то принцессы. По законамъ придворнаго персидскаго этикета, а можетъ быть и по брачному условію, этотъ Принцъ, по аристократическому происхожденію матери, несмотря на то, что былъ моложе многихъ братьевъ, считалъ свои права на престолъ сильнѣйшими и законными. Но Шахъ хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ Аббасъ-Мирзу, своего любимца. Для этой цѣли было сдѣлано чрезвычайное собраніе первѣйшихъ сановниковъ и всѣхъ Шахскихъ сыновей. Въ этомъ собраніи Фетъ-Али-Шахъ послѣ высокопарной рѣчи объявилъ, что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, видитъ необходимость назначить по себѣ наслѣдника, коимъ избираетъ и торжественно объявляетъ своего любезнѣйшаго старшаго сына Аббаса-Мирзу, имѣющаго всѣ права на престолъ персидскій, какъ по старшинству первородства, такъ и по достоинству. При столѣ рѣшительномъ указаніи всѣ работнѣнно преклонились предъ грознымъ повелителемъ. Но юный претендентъ, выступивъ гордо предъ тронъ, сказалъ: „Великій Государь, говорить предъ тобою неправду, значило бы не любить и не уважать тебя какъ отца и Государя. Твое собственное величіе и царственная кровь твоя и моей матери, отражаясь во мнѣ, твоимъ сынѣ, не позволяютъ мнѣ попрасть мои права. Если они не уважатся, то оружіе рѣшить, кому быть на персидскомъ тронѣ послѣ тебя“.

Добродушный Фетъ-Али-Шахъ, будучи человѣкомъ умнымъ и литераторомъ, былъ удивленъ подобнымъ отвѣтомъ 15-лѣтняго сына. Говорятъ, что даже улыбка сердечнаго удовольствія мелькнула на его челѣ. Но не то происходило въ душѣ хитраго и проницливаго Аббаса-Мирзы. Онъ видѣлъ въ своемъ юномъ братѣ страшнаго соперника, потому что юный Принцъ и по красотѣ, и по уму, и по душевнымъ качествамъ, былъ необыкновенно любимъ и народомъ и знатію. Надобно было отъ него отдѣлаться. Замышлено и сдѣлано.

Но чтобы убійство не произвело смуты въ государствѣ, затѣяна была война для отвлеченія общественнаго вниманія и дѣятельности. Аббасъ-Мирза трудился не для себя. Онъ умеръ еще при жизни Фетъ-Али-Шаха, а престолъ наслѣдовалъ одинъ изъ сыновей Аббасовыхъ, но не старшій.

Послѣдствія Персидской войны 1826 и 1827 годовъ извѣстны. Паскевичъ, покрывъ себя славою подѣ Елизаветполемъ и Эриванью, въ стѣнахъ Тавриза заключилъ знаменитый миръ, по коему три ханства: Эриванское, Нахичеванское и Ордуабатское отошли къ Россіи съ 20 м. р. ср. и съ другими значительными выгодами.

Я не былъ въ этой славной войнѣ, тогда какъ долженъ былъ участвовать въ ней и имѣлъ къ тому очень благопріятный случай. Не воспользовавшись имъ, можетъ быть, я самъ оттолкнулъ отъ себя мое счастье; но судьба влекла меня по другому пути, весьма для меня неудачному.

Въ Августѣ того же 1826 года, Князь Горчаковъ, бывъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ 2-й арміи, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ и продолжать служить вмѣстѣ и въ Россіи, такъ же, какъ служилъ въ Грузіи. Признаюсь, мнѣ очень этого не хотѣлось, но къ несчастію моему, бывъ ослѣпленъ его обѣщаніями, я не имѣлъ духу отказаться. Впослѣдствіи горько объ этомъ сожалѣлъ.

Въ Октябрѣ я переѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ была тогда главная квартира 2 арміи.

Главнокомандующимъ былъ въ то время генераль-фельдмаршалъ графъ (послѣ князь) Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ;—Начальникомъ Главнаго штаба арміи, генераль-адъютантъ, генераль-маіоръ, графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ; дежурнымъ генераломъ, генераль-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Байковъ; а генераль-квартирмейстеромъ, генераль-маіоръ Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Въ Тульчинѣ я прожилъ полтора года, съ Октября 1826 по Апрѣль 1828 года,—весь 1827 годъ, начиная съ 6 Генваря, пролечился не бывши ни боленъ ни здоровъ. Болѣзнь моя была та общая язва нашего вѣка, отъ которой рѣдкій человѣкъ благороднаго сословія ускользаетъ. Къ несчастію, она развилась нынѣ и въ простомъ народѣ болѣе, нежели въ высшемъ сословіи, такъ что есть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, цѣлыя деревни, зараженныя этимъ пагубнымъ истребителемъ рода человѣческаго.

Питая постоянно отвращеніе къ публичной торговлѣ прелестями, какъ человѣкъ, я изыскивалъ въ моихъ паденіяхъ предметы, по возможности соотвѣтствовавшіе моему вкусу; поэтому много, много слу-

чилось испытать въ жизни любовныхъ приключеній и обыкновенныхъ, и опасныхъ, и смѣшныхъ до невѣроятія. Описаніе ихъ, безъ преувеличенія, составило бы весьма занимательный романъ; но я упомяну, въ своемъ мѣстѣ, объ одной только встрѣчѣ и то потому, что она имѣла значительное на меня впечатлѣніе.

По причинѣ таковой разборчивости, я сберегъ себя и былъ невредимъ до 28 лѣтняго возраста, но здѣсь, несмотря на мою осторожность, настоящій случай былъ просто несчастіе, искавшее меня само. Это было дѣйствительно такъ, въ literalномъ смыслѣ. 20 лѣтняя предстница, почтившая меня своею любовію и волокитствомъ настоящимъ¹⁾,—повидимому до того была безопасна, что когда указалъ я ее лѣчившему доктору Шлегелю, старожилу практиканту Тульчина, то, несмотря на мои завѣренія, онъ мнѣ не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока она не обратилась къ нему для врачеванія. Но какъ бы то ни было, эта несчастная встрѣча стоила мнѣ здоровья. Заболѣвши зимою, во время лѣченія я простудился и бывши золотушнаго сложенія, симптомы сдѣлались сложны и упорны, а лѣченіе было неискusstное, несмотря на знаменитость пользовавшихъ меня врачей²⁾.

Я имѣлъ несчастіе подвергнуться этой болѣзни первой и послѣдній разъ въ моей жизни, однако, несмотря на самое тщательное лѣченіе, долго я не могъ избавиться отъ ея губельныхъ послѣдствій и лишь въ 1831 году въ Кишеневѣ я излѣчился совершенно.

Кажется нигдѣ и никогда я не читалъ такъ много, какъ въ Тульчинѣ. Ибо во время лѣченія моего весь 1827 годъ я долженъ былъ сидѣть дома и во избѣжаніе скуки, волею и неволею, предавался чтенію всякаго рода книгъ на понятныхъ мнѣ языкахъ, а ихъ въ Тульчинѣ было достаточно.

Изъ всѣхъ знакомствъ моихъ въ Тульчинѣ самое интересное для меня было съ полковникомъ генеральнаго штаба Никлевичемъ. Происходя (по матери) отъ древней аристократической нѣмецкой фамиліи,

---

¹⁾ Я квартировалъ у ея тетки Дембровской и на бѣду мою съ первой встрѣчи приглянулся ей такъ, что она не давала мнѣ покоя. Она была въ полной мѣрѣ слова *belle femme*. Къ тому же была стройная, ловкая, щеголиха, какъ полька,—и говорила хорошо по французски.

²⁾ Пользовали меня И. Г. Шлегель нынѣ лейбъ-медикъ, генераль-штабъ-докторъ Хановъ и другіе извѣстные врачи.

онъ получилъ отличное образованіе. Онъ зналъ классическіе и главные европейскіе языки. Имѣя природный талантъ къ музыкѣ и проведши юность въ Италіи, онъ глубоко изучилъ музыку, игралъ на фортепьяно и пѣлъ, какъ маэстро. До капитанскаго чина онъ служилъ въ конныхъ егеряхъ Наполеоновской арміи. Былъ нѣкоторое время безсмѣннымъ ординарцемъ при Наполеонѣ и зналъ многія историческія лица начала XIX столѣтія. Онъ былъ очевидцемъ великихъ военныхъ событій и по глубокимъ свѣдѣніямъ въ наукахъ составлялъ самое пріятнѣйшее и занимательное для меня знакомство.

Въ началѣ 1828 года съ формальнымъ объявленіемъ о Турецкой войнѣ сдѣлано было распоряженіе, что всѣ тѣ чины главной квартиры, кои,—бывъ удалены отъ родныхъ, встрѣтятъ затрудненіе въ сохраненіи своихъ вещей, излишнихъ для предстоящаго похода, могутъ оставить ихъ въ казенномъ складѣ въ Тульчинѣ, подъ надзоромъ коменданта, а по окончаніи войны получать ихъ въ цѣлости. О чемъ и отданъ былъ приказъ по главной квартирѣ. Складъ этотъ назначенъ былъ въ огромной комнатѣ въ домѣ гр. Потоцкаго,—и я, пользуясь столь благодѣтельнымъ распоряженіемъ, отдѣлилъ всѣ излишнія вещи, наполнилъ ими великолѣпный сундукъ и отдалъ оный въ помянутый складъ. Не видалъ я его болѣе,—и за всѣми розысканіями не могъ и слѣдовъ найти, куда онъ дѣвался. Только могъ и узнать въ утѣшеніе, что въ 1830 году въ Тульчинѣ тоже сдѣлалась суматоха; коменданта перемѣнили и всякъ изъ этого склада хваталъ, что попало; поэтому не было возможности добиться, по какой дорогѣ отправился мой почтенный сундукъ. На переписку мою объ немъ даже и не отвѣчали; а между тѣмъ, въ этомъ сундукѣ заключалось все мое достояніе. Разные акты, книги, записки, платье, оружіе и значительное количество серебряныхъ и дорогихъ вещей, такъ что по умѣренной оцѣнкѣ стоимость всего простиралась болѣе нежели на 10 т. руб. асс.

